

Кто ты, Кирилл Толмацкий?

Михайлина Елена
Толмацкая Ирина

**Ирина Толмацкая
Елена Михайлина**

Кто ты, Кирилл Толмацкий?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69427315

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга, которая вышла в 2020 году. Многие писали, что Кирилл Толмацкий, Децл ака Ли Трюк, Джузеппе Жёстко раздавал свое творчество бесплатно, дарил эмоции, продавать о нем книжку неправильно. Но финансировать выпуск на бумаге было некому, поэтому уж как сложилось. История Децла – это про свободу, свободу личности, свободу выбора, свободу мысли, за которые часто приходится платить. Неслучайно в качестве иллюстраций выбраны талантливые работы самых свободных и народных художников в мире – стрит-арт.

Содержание

Только не говори маме	6
Девочка с другой стороны	14
Про лошадиные яйца	22
Холодное лето 2019-го	28
Дело о швейной машинке	39
По тундре по железной дороге	47
Люди гибнут за металл	50
Где-то на прекрасных островах	55
Бойскауты и рэп	61
Было	68
Очень разные люди	74
Около ноля	79
Все деньги мира	86
Другая жизнь	91
Про яблоки и яблони	96
Предпоследний рыцарь	106
Дециллион: Децл ли он?	117
Джа Растафарай	125
Джузеппе Жёстко & Вавилон	135
Темное время	147
Конец? Начало	153
К.Толмацкий:	160

Ирина Толмацкая, Елена Михайлина Кто ты, Кирилл Толмацкий?

Ира позвонила прошлым летом:

– Кирилл хотел, чтобы я написала автобиографию. Считал мою жизнь, полную драматических поворотов и встреч с неординарными людьми, достойной описания. Теперь вышло так, что рассказывать надо прежде всего про него. Ведь мало кто вообще догадывается, каким был мой сын – Кирюша, Кирилл Толмацкий, Децл ака Ли Трюк, Джузеппе Жёстко. Так все перемешалось и в нем, и вокруг... Хочется объяснить. Никакого предчувствия у меня не было, но в декабре 2018-го началась какая-то маета. Это сложно понять: бессонница, ни на чем не основанное беспокойство, в Инстаграм постила какую-то депрессию. Кирилл даже спросил: «Мам, а что за упадническое настроение?» Но объяснить тревогу, которая грызла изнутри, я и самой себе не могла. Второго февраля работала. Обычный день, если не считать того, что все документы я почему-то датировала третьим числом. Перепутала. А третьего уже не вышла.

Граффити в Сочи.

Только не говори маме

Однажды 6-летнему Кириллу прилетело по голове качелями. С одной стороны, а кому не прилетало? С другой... Помните монументальные советские качели, которыми при желании убить было можно? Досталось серьезно, хлынула кровь, товарищи по игре расступились в ужасе, а он даже не заплакал. На самом деле он вообще редко плакал, но речь не об этом. Больше всего на свете в тот момент он опасался огорчить маму. Общими усилиями прилепили на рану лист подорожника, усилили конструкцию лопухом, и он пошел домой. Противно подташнивало, голова кругом, но все же получилось выдать Ире заготовленную во дворе версию:

– Мам, я немножко оцарапался, а мокрый, потому что бежал и вспотел.

Он чувствовал влагу, но не мог видеть, как со спины рубашку заливают кровь, которую за пот ну никак не выдешь. Ира трясущимися пальцами отлепила листок и едва не сползла по стене – хлынуло струей. Счастье, что именно в тот момент домой заходил Толмацкий-старший. Слету оценив ситуацию – у сына пробита голова, а жена вот-вот упадет в обморок, – подхватил Кирилла на руки и мухой в травмопункт.

Доктора произнесут много грозных слов, достаточно ярко описывающих всю опасность сложившейся ситуации. Повер-

нуться ведь могло совсем плохо: не возвратись Александр домой, потеряй сознание Ира, и страна имела все шансы не узнать ни Децла, ни Ли Трюка!.. Кирилл пообещал впредь играть осторожнее.

– Только не говори маме, – попросил он, и отец понимающе подмигнул.

...Ему уже восемнадцать, псевдоним Децл прирос и стал символом принципиально нового для страны музыкального направления. «Вечеринка» и «Письмо» звучат из каждого утюга. Кирилл популярен, одно из многочисленных интервью записывают на катере. Журналист (странная тема для визави только достигшего совершеннолетия, но о вкусах не спорят) спрашивает, боится ли Децл смерти.

– Я боюсь смерти, потому что существуют родные, мама, папа, бабушки, дедушка, которые очень расстроятся. А я не хочу их расстраивать, – отвечает Кира.

...Он знал, что у отца появилась другая женщина. Быть в курсе несложно: всех объединял ночной клуб – избранница родителя работала здесь на танцполе, Децл читал рэп, а в целом заведение принадлежало Толмацкому-старшему. Но стоит ли воспринимать юную ровесницу на съемной квартирке как угрозу семье, жизненным принципам, которые родители всю жизнь декларировали? Ведь даже звучит несерьезно! Ну, конечно же, нет. Побесишься внутри себя, переваришь и будешь молчать. Главное, мама не узнала бы. А там, глядишь, отец образумится, и все как-то утрясется само

собой, станет как прежде.

Сколько из нас вообще тех, кто о чем-то не сообщал маме, справедливо полагая, что некая информация может не добавить ей здоровья?

2019 год. Бабушка Кирилл, мама Иры, ничего не знает. Много лет она нездорова, не выходит из дому, и, конечно, ей не говорят. Для нее Кирилл, самый лучший, любимый и талантливый, в отъезде. Впрочем, в силу возрастных особенностей ей уже несложно напомнить, что заходил внук недавно, буквально на днях, и она с готовностью вспомнит. Бог, кем бы ни был, и на какие имена не отзывался бы, велик в своей мудрости к старикам и детям. Они верят в хорошее, Он умеет создать все для того условия.

– Ира, не носи черное, и так тощая, а в черном тебя вообще не видно! – Говорит она.

– Хорошо, мамочка, больше не буду, – отвечает та.

– Вот и умница, – кивает мама.

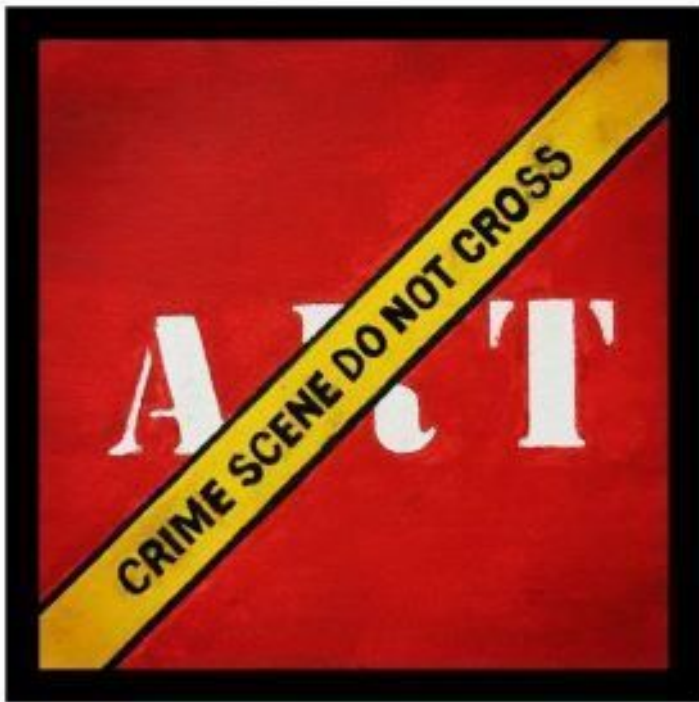
Мы кочуем, встречаемся с Иррой, где угодно, только не дома. Я боюсь увлечься разговором, ляпнуть лишнее и невольно выдать самый страшный секрет. Принцип «только не говори маме» актуален для всех. Да и нужна ли кому-то правда, банальная, беспощадная и до обидного очевидная?

В Инстаграме Децла среди последних публикаций – картины с буквами. От аббревиатуры R.I.P («rest in peace» – «покойся с миром») невольно вздрагиваешь – эта совсем последняя. Впрочем, посвящение правоверному растаману Бо-

бу Марли логично. Кирилл прошел все стадии отношения к легенде регги – от подражания и обожания до уважительного почитания. Его собственные похороны какие-то недоступные человеческому пониманию силы назначили на день рождения Марли. Как итог? Как награду?

Или основной смысл несет предпоследняя – слово ART (искусство), перечеркнутое полицейской лентой «crime scene do not cross»? И последующая с R.I.P имеет отношение к философскому хип-хопу вообще?

Остальное изобразительное искусство от Децла – трафаретные буквы, что-то вроде головоломок, сделанных по образу и подобию тех, что давно заполонили соцсети. Раньше дети играли в «казаков-разбойников» на районе, передвигаясь по стрелочкам и подсказкам. Теперь складывают буквы в слова – так можно вычленить мысль, погадать на буду-

щее, лучше узнать собственную личность, да и вообще найти ответы на многие вопросы. А его подписчики приучены смотреть между строк, искать подсказки на битах, разгадывать ребусы, следить не за хайпом – за смыслом! И они уже все выяснили. Знают, куда он скрылся от всезнающей общественности, о чем пишет новую музыку и даже, в каком возрасте вернется к ним обратно.

Пока читаешь комментарии, не отпускает мысль, что их авторы не заслужили лишаяющей надежд и местами неприглядной правды, не меньше мам. Недалеко ушла от главной темы этой главы.

И хороший ли выйдет рассказчик из матери? Дело ведь даже не в любви безусловной и необъективной! А в том, что самые острые углы и спорные моменты его биографии проходили мимо нее. «Только не говори маме» – одна из самых живучих, переходящих из поколения в поколение формул.

И все-таки мы попробовали.

РОСТОВ.

Девочка с другой стороны

Из личного архива И.Толмацкой.

1-й амбулаторный проезд здесь логично примыкает ко 2-му, такому же Амбулаторному. Амбулаторным называется и пруд, который каждую зиму покрывается льдом, превращаясь в бесплатный каток для местной детворы. Московский дом, в котором началась эта история, – самый обычный. Пятиэтажка, хрущевка, хрущеба, одна из миллионов безликих

коробок с одинаково обшитыми балконами и низкими потолками, ловко увильнувшая от всяких реноваций и оптимизаций. С тротуаром у подъезда, чтобы ходить, березками и рябиной, чтобы собачкам было на что писать, а бабушкам, под чем сидеть на скамейках, двором, дабы днем гулять культурно, а вечером как пойдет. Функциональные приспособления для выбивания ковров и паласов в виде труб горизонтальных история не сохранила, но тогда, давно, такие имелись у каждого дома. Советский минимализм уважал лаконичную точность, соглашаясь с тем, что нашему человеку много для счастья не нужно. Там, неподалеку от кинотеатра «Баку», получившим свое название вследствие горячей моды на дружбу народов, на том самом Амбулаторном пруду, когда-то каталась и она – мама нашего героя.

Напротив, за условной чертой Ленинградского проспекта, расположились окнастые дома литераторов с потолками повыше и жильцами понеобычнее. Стены тамошних квартир, кухни и даже отдельные предметы интерьера воспевались в повестях и даже романах. Вечером сквозь открытое окно здесь можно было услышать, как читает хрустально-плачущим голосом свои стихи Белла Ахмадулина. Тут варили утренний кофе и выпивали вечерние стопки Александр Галич, Владимир Войнович, Василий Аксенов и много кто еще. Рассказы о том, как в 70-е пишущий народ страшно притесняли, ходили по кругу, но Москва упорно производила и приманивала все новых и новых сочинителей.

И вроде бы расстояние – проспект в ширину – рукой подать, а уже два мира, больше скажу – две вселенные! Конечно, его можно было пересечь через несколько обычных пешеходных переходов. Однако стороны Ленинградского проспекта встречались нечасто. Писателям не нужно было, захворав, топтать в амбулаторию, в честь которой и назвали проезды и даже пруд. У них имелась собственная поликлиника Литфонда. У детей с другой стороны – своя школа № 145 и так далее. Однако общая тема у людей и небожителей все же была.

Кушать одинаково надо и продавцу, и учительнице французского, и тем, чья еда выступает с основным в роли закуски. Советский быт, щедро украшенный лозунгами и местами самым настоящим равенством, испытывал серьезный дефицит продуктов. И, если отсутствие ковра «Русская красавица» или серванта еще можно было как-то пережить, то голод – не тетка. Этот факт признавали и рабочие, и артисты, и даже некоторые научные сотрудники. Так вот, будучи мощным противовесом полку с бесконечной морской капустой, Ленинградский (ранее Инвалидный) рынок мог предложить практически все! И не беда, что кому-то доставалась исключительно-правильная часть коровьей задницы, а кому-то обрезь – края прекрасных кусков, которые продавцы обрезали, если те заветривались и теряли привлекательный товарный вид.

Оказываясь на противоположной стороне Ленинградско-

го, на рынке, с мамой или папой, что случалось чаще, она встречала Виктора Мережко. Пока еще не знаменитого, но уже жутко пижонистого – каждый раз на нем был новый шарфик, призванный на расстоянии подчеркнуть оригинальность носителя. Хороша была и Алла Парфаньяк! Всегда в супершляпках, героиня экрана умудрялась тащить свои полные авоськи с достоинством герцогини. Советская действительность, кто бы что ни говорил, была сильна на подобные сочетания. И уж где-где, а на Ленинградском, всякое можно увидеть.

Вот некто очень своеобразным голосом просит «барышню» положить на весы определенный, лучший из громадных бакинских помидоров. Эдвард Радзинский часто изъяснялся старомодными выражениями, видимо, вживался во время своей очередной почти дописанной пьесы. От неожиданного обращения румяные рязанские девицы краснели, улыбались и почти падали в книксенах, впрочем, как барышням и положено. Он уже выпустил свою знаменитую «Снимается кино», больше того – на очередном заседании Политбюро ЦК КПСС ее успели окрестить ублюдочной. Впрочем, таких подробностей наша девочка не знала, да и знать не могла.

Здесь же, на рынке, знакомым всем советским детям голосом Сказочника из мультфильма «Винни Пух и все-все-все» Федора Хитрука, интересовались тюлькой пряного посла. Она видела, как артист Владимир Осенев ловко перехватывал газетный кулек с рыбой – в прессу в то время безо всяких

реверансов было принято заворачивать любые деликатесы. Человек этот, с острым лицом и в скромных брюках, давно утерявших элегантность, казался ей чрезвычайно симпатичным. Настоящий Сказочник! Чудилось, что, завладев заветным кулечком, он с проворностью фокусника подкинет его в воздух и тот превратится в праздничный салют или охапку воздушных шаров! Но нет. Обычно кулек исчезал в сумке-авоське, а волшебный голос растворялся в гуле остальных вполне заурядных.

Еще по совершенно неизвестной причине в столичном районе Аэропорт в то время жило много лилипутов. Она встречала их каждый день. Даже опасаясь показаться бестактной, не могла заставить себя не разглядывать этих удивительных людей. Очень они ей нравились! Взрослые, навсегда обреченные остаться детьми. Впрочем, и так глубоко она пока еще не мыслила. Лилипуты казались просто людьми, но какими-то сказочными, как ожившие куклы. Вероятно, они просто решили селиться неподалеку друг от друга. Все мы стараемся держаться своих.

Помимо очевидных различий между обитателями двух сторон проспекта имелись и не очевидные. На свою условную разделительную полосу – Ленинградское шоссе – они смотрели совершенно по-разному. Хотя и видели одно: автомобили и автобусы, уносившиеся не только загород или в колыбель революции, но и в самый настоящий аэропорт – Шереметьево, даже авиакассы располагались тут же у метро. А

оттуда, товарищи, уже были варианты! И если рядовой москвич редко задумывался о возможности покинуть родину, то творческая интеллигенция помаленьку уже начинала путать туризм с эмиграцией. Мечтали уехать и не вернуться. Но далеко не все получали эту удивительно обычную сегодня возможность. Поэтому дорога к самолетам, уносившим счастливых в прекрасные свободные страны, иногда вызывала писательское раздражение, а порой и зависть.

Она, девочка с другой стороны проспекта, ни о чем подобном не думала. Любовь к своей стране была безусловной и искренней. Ей нравилось натирать щетками паркет в школе, мыть огромные классные окна, носить аккуратное коричневое платье с черным, а по особым случаям белым передником. С энтузиазмом она собирала металлом и макулатуру. Правда, однажды отнесла на школьный пункт сбора книги из дому. Не в насмешку над писательским кварталом! Даже не думайте! Хотелось, чтобы «звено» (на них делили классы) выиграло в соревновании, кто больше сдаст. Мама ругала, но папа заступился.

Ее отец дослужился до начальника на заводе «Знамя труда». Она знала, что папа создает самолеты и очень этим обстоятельством гордилась. Как радостно было ходить с ним на Первомайские демонстрации! Когда в одной руке громадные цветы из гофрированной бумаги, а другая надежно спрятана в большой мужской ладони. Обычно заводские собирались у станции метро Динамо и двигались в сторону Красной

площади. Все вокруг улыбаются, все друзья. И какая разница что означают непонятные слова «Слава КПСС!», которые Ира изо всех сил кричала вместе со всеми.

Да, с разносолами было негусто. Но как пах черный хлеб! Настоящий московский ржаной! Булочная располагалась на первом этаже их дома и каждое утро, когда грузчики выносили из фургона громоздкие деревянные лотки, хлебный аромат поднимался до самого балкона. Потом она будет вспоминать то время как самое счастливое и беззаботное. Вовсе не потому, что булочка стоила десять копеек, а рогалик – пять. Безусловное счастье не нуждается в аргументах, оно или есть, или нет.

Случалось, каким-нибудь шальным весенним ветерком писательскую или актерскую бациллу, заносило туда, где ее не так уж и ждали. Ира прекрасно помнит маленького Пашу Санаева и стройку МАДИ, на территории которой будущий писатель провалился в яму с бетонным раствором, и увековеченную в связи с этим в литературе. Хотя в бесконечные вязкие канавы тогда кто только не попадал – район застраивали-перестраивали по-советски активно. К слову, на месте поликлиники Литфонда, когда-то стоял дом Ириных предков – дедушки и бабушки.

Думала ли девочка с другой стороны Ленинградского проспекта, что пройдет совсем немного времени и она сама произведет на свет Поэта? Конечно, нет! Кто вообще о таком думает? Кто планирует? Но бациллы, заставляющие людей

рифмовать и транслировать, как мы помним, иногда перелетают даже самые широкие и быстрые проспекты.

Про лошадиные яйца

Почему именно эта часть конных памятников в Советском Союзе становилась объектом больших и маленьких скандалов, достоверно неизвестно. Но лошадиные яйца с завидным постоянством притягивали различные антисовестские акции. Провоцировали что ли!.. Перед Пасхой, которую в атеистической стране праздновать было совсем не принято, особо остроумные неизвестные покрасили яйца коням Клодта в Ленинграде. Аналогичное ЧП с той же самой частью тела произошло и в Ростове! Там перформанс затронул конную скульптуру великого полководца Буденного, поэтому виновных искали с особым рвением. Впрочем, ни в колыхели революции, ни в южном форпосте вредители так и не были обнаружены.

Конная часть памятника Юрию Долгорукому в Москве пострадала, едва появившись на свет. Фантазия увековечить на Тверской (тогда улице Горького) основателя столицы как-ким-то совершенно немислимым образом родилась у генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева. Памятник воздвигли. Но упомянутая часть коня показалась партийному руководству излишне анатомичной, и ее, недолго думая, спилили болгаркой вместе с другой, указывающей на половую принадлежность частью. Так конь Долгорукого стал кобылой. Что в свою очередь перестало соответствовать исто-

рической достоверности. Дело в том, что все военачальники, от князей до красных командиров, были жуткими шовинистами и мужланами – никогда не ездили на кобылах.

После всевозможных собраний и сборов, метавшихся между приличиями и анатомией, яйца постановили вернуть. Правда, в уменьшенном размере. Будто бы жеребец Долго-рукого долго болел в детстве, сделался крипторхом и возил рукастого князя из последних сил.

О памятниках в советское время заботились особенно трепетно. Ранним утром, пока горожане спят, специальные работники протирали тряпочками каллиграфические буквы, бронзовые и каменные носы, смахивали с великих лысин птичий помет. И иногда эти чудесные люди оставляли без присмотра лестницы. Что в свою очередь, становилось основным провоцирующим моментом как для поборников натурализма, так и для обычных подгулявших компаний.

Очередной фельетон разыгрался как раз в момент, когда подшофе и в прекрасном расположении духа двигалась под утро по улице Горького небольшая, но очень творческая группа. И шли бы они себе дальше, если б не увидели, как прямо к задней части лошади приставлена лестница, а вокруг ни души. Праздничные воздушные шары, которые были у компании с собой, ситуацию только усугубляли... Как вы, наверное, уже догадались, через считанные минуты два шарика оказались привязанными у лошади под хвостом.

Возведение анатомической справедливости на принципах

ально новый художественный уровень свершилось непосредственно перед Институтом марксизма-ленинизма, в арку ко-его хулиганы ловко спрятали лестницу, и напротив здания Моссовета. Дежурившие внутри представители власти не сразу заметили перформанс и какое-то время лошадь Долго-рукого простояла нарядной.

Впрочем, уже через несколько минут милиционеры с ли-цами, достойными батального полотна, перебежали пока еще пустую улицу. Несмотря на идейную решимость, они мало что могли – постамент оказался слишком высок, а лесенка припрятана. Знали бы столичные милиционеры, не отличив-шиеся прыгучестью, как в соседнем сквере давились хохотом, наблюдая за их почти цирковыми номерами, диверсан-ты! Меры меж тем требовались срочные. Ведь кто-то уже мог поехать на службу в Кремль и дело пахло керосином – увольнениями, а то и посадками! В конце концов шарики бы-ли расстреляны из табельного оружия. Хотя сдувшиеся яйца коня стали выглядеть еще смешнее.

Злые языки поговаривали, что перформанс – продукт спонтанной фантазии режиссера-новатора Петра Фоменко. Впоследствии он придумает еще много чего – и потрясаю-щего, и возмутительного одновременно, возглавит театр, но все это будет позже. Тогда все они еще были будущими: ма-стера трагического гротеска, лица с обложек журналов и ге-рои первых полос, воротилы бизнеса и авторы научных про-рывов. С какого-то момента прогрессивная часть населения

самовольно прекратила кухонные заключения и потекла на Пушки, Пушкинскую площадь.

Кстати, монумент Александру Сергеичу, располагавшийся почти в центре тусовки, от вольнодумских набегов не пострадал ни разу. Возможно, из-за пешей, и потому не помпезной формы. Будущие властители медиа уважительно и втихаря попивали портвейн «три семерки» в непосредственной близости от поэта и спорили. Фарца, будущие олигархи, приторговывали всякой дефицитной дребеденью с оглядкой на солнце русской поэзии. Барышни, что греха таить, высматривали неподалеку от великого арапа еврейских женихов, чтобы однажды отправиться на землю обетованную и любить непростую Родину издалека.

Здесь читали вслух Бродского. Передавали из рук в руки знаменитые «Тамиздат» и «Самиздат» – то, чему было отказано от публикации на родине и изданное за ее пределами, или заботливо перепечатанное вручную на печатной машинке, как роман бывшего Ириного соседа Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Автор романа-анекдота уже отчалил в Германию, ну или его отчалили по вожделенному Ленинградскому шоссе от греха подальше. А книга осталась и продолжила изгаляться над советской действительностью исподтишка и уже самостоятельно.

Компания, в которую входила тогда Ира, влилась в Пушкинскую тусовку из здешнего кафе-мороженого «Москов-

ское». Там традиционно собирались ученики школы рабочей молодежи № 127, кстати, весьма передового по тем временам учреждения, располагавшегося неподалеку. Сто двадцать седьмая давала возможность не сильно рвавшимся к знаниям старшеклассникам получить хороший аттестат, следовательно, проходной балл к лучшему в мире высшему образованию. Все ее подружки учились там, поэтому и Иру время от времени ошибочно приписывают к выпускникам этой школы, так часто видели их вместе. Сейчас всех их разметало по планете – Лола в Испании, Наза в Америке, а Катя осталась в Москве, как и обаятельный хулиган Дима Липскеров, выросший в знаменитого писателя.

Она не помнит точной даты, но «день воздушных шаров» остался в памяти, как единственный, когда власть решила прогрессивную молодежь Пушки приструнить. С одной стороны – это был настоящий разгон. С другой, милиционеры действовали вяло, без огонька, вероятно, в глубине души считая «яйца коня» шалостью смешной, мелкой и тоже желая становиться прогрессивными. А изъятыми самиздатовскими страничками «Чонкина» они и сами зачитывались в отделениях, буквально глотая роман за одну дежурную смену!

Ире события тех дней виделись как неопасное приключение, праздник непослушания. Не испугалась совсем. Она не просто искренне восхищалась страной, в которой родилась и жила, она в нее верила.

Холодное лето 2019-го

личного архива И.Толмацкой.

Мы встретились неподалеку от того самого места, где однажды двадцатилетняя Ира с восторгом слушала худого лохматого парня, декламировавшего «Не выходи из комнаты, не совершай ошибку...» Почти четыре десятка лет пронеслось: деревья по краям бульваров стали большими, улицы похожими на европейские, и лишь гранит красноватого оттенка, как вечное напоминание о советском прошлом, по-прежнему опоясывает дома. Все так же собираются на площади молодые люди, яркие, совершенно справедливо считающие, что все у них впереди. Выходят из комнат, чтобы совершить свои личные ошибки. Ребята с дредами и одинаковыми бумажными стаканчиками с кофе вызывают у нее слабую улыбку.

Бежит Тверская. Поэт, погибший на дуэли чести, безмолвно наблюдает за тем, как переименованные из милиционеров в полицейские расставляют металлические ограждения, чтобы рассеять по Тверским переулкам молодых и недовольных. Не оставляют им возможности продвинуться к мэрии, в которую превратился Моссовет. Долгорукого на его толстой лошади предусмотрительно отгородили от мира техническим забором, а самого упрятали в реставрационный короб. Мало ли.

История, описав как стервятник круг, снова уперлась в лошадиные яйца. Разноцветная толпа протестующих не сдает-

ся, сворачивает к Арбату, скандируя:

– Это наш город!!!

Она улыбается смелее:

– Много лет назад я тоже верила в то, что Москва – мой город, и только поэтому со мной здесь не может произойти ничего плохого.

Ее волосы по-прежнему отливают медью, и это единственная вольность в облике – одежда строго-черная.

– *Ирина, что для тебя время?*

– Знаешь, я пришла к выводу, что у каждого время свое. Вчера на Садовом притормозила у тротуара. Безногий просил милостыню. Подумала, надо дать – пожилой совсем, неухоженный. Протянула купюру, дедок заулыбался, продемонстрировав минимум уцелевших зубов: «Буду за тебя молиться!» И руки у него такие... Когда долго за счет рук передвигаешься, они становятся жилистыми с кривыми цепкими пальцами, и вены под кожей как веревки. Такие руки обычно изображают у Святых старцев на картинах.

– А ты, наверное, как я, 1963-го года рождения? Ровесники мы, только я февральский, – неожиданно добавил он, а сам все смеется, выставляя напоказ свои младенчески полупустые десны.

Странная встреча. Впрочем, после 3 февраля 2019-го мне многое кажется удивительным, а временами даже потусторонним.

В детстве на лето меня отправляли к бабушке под Киев,

папа из тех мест. Есть такой городок Фастов на узкоколейной железной дороге, которую строил Павка Корчагин, так вот наша деревня рядом. В один из таких моих приездов бабушка приютила странствовавшего старца. Я очень его хорошо помню: дед Давид с копной седых волос, огромными руками, одна из которых всегда сжимала клюку, – точно сошел со страниц житийного описания. Спал он на узенькой шконке под иконой. Меня обожал, говорил: «Ярына моя приехала!» Вместе мы ходили гулять на гору, поднимались потихонечку, чтобы полюбоваться потрясающим открывавшимся с нее видом. «Единственное, что у нас есть, Ярына, это земля. Посмотри, как она прекрасна!» – говорил он. Почему-то Давид считал, что я Богом меченная. А мне сейчас кажется, что это он был выделен Всевышним. Человечище!

Странно, но в моих последних воспоминаниях старец появляется чаще, чем, например, бабушка. Вроде бы совершенно посторонний человек. Да и что мы вместе делали? Смотрели с горы на деревню. Вот и сейчас, ты спросила про время, и память выдала странную встречу с калекой-ровесником и старца Давыда.

Иногда вообще кажется, что из всех нас по-настоящему меченым Богом был только Кирилл. Сын, который не должен был родиться, а потом выжить. Непростая история.

По моему роду много лет идет одна страшная штука – с девчонками все прекрасно, а мальчишки часто умирали во младенчестве или детьми. Так потеряли первенца мои роди-

тели, да и у остальной родни трагедий хватало.

У меня началось с того, что медики ошиблись в сроке, в то время ультразвуковых исследований и других изысков еще не было. Даты родов назначали на глазок. И вот вроде бы пора, а доктор руками разводит:

– Что-то я у вас голову младенца не нахожу.

– Твою тоже поначалу не находили! – Сходу успокоила мама. – А родилась с красивенной рыжей головой!

Сынок появился на свет 22 июля, в День Кирилла и Мефодия по старому стилю, правда, тогда я об этом не знала. Мне просто всегда нравилось имя Кирилл, Кирюша. Так и назвала.

Ташили ребенка щипцами, сказали, не доносила я дней десять-четырнадцать. Как итог – не до конца раскрывшиеся легкие и воспалительный процесс. Когда на второй день всем принесли детей, а мне снова нет, спросила: «Где же мой малыш?» Врач ответила, что меня через день выпишут, а Кирилла уже увезли в детскую больницу.

– Надежды никакой, мальчик слабенький. Молитесь.

Мне двадцать лет, и я понятия не имею, как надо молиться. Никогда никому и ни о чем не молилась, ни одной молитвы не знала. Только слова – никакой надежды, надежды никакой – всю дорогу до дома стучали в голове молотком. Я пыталась их осознать, но так и не смогла.

Вместе с малышом меня в больницу не брали. Умоляла, но ответ был «нет». Муж, Саша Толмацкий, такой же зеле-

ный балбес, как я, однако уже ужасно пробивной, пошел решать вопрос. Как ему удалось договориться, ума не приложу, но домой он влетел страшно воодушевленным: «Собирайся!»

В течение месяца каждый день я ездила в детскую больницу. Проходила через санбарьер и шла в палату, где кроме Кирюшки было еще пятеро младенцев. Нянечка не успевала всех покормить, перепеленать, и я подключалась. До сих пор с закрытыми глазами смогу запеленать кроху, ночью разбуди, пойду и за десять секунд сделаю.

Выписали нас с толстенной медицинской картой. Патронажная медсестра, когда увидела этот талмуд, не могла поверить, что он про новорожденного.

– Точно карту не перепутали? – Тревожно поглядывая на нашего красавчика, спрашивала она.

Как бы то ни было, мальчик Кирилл стал жить и расти. В полтора года каждый советский малыш должен был пойти в ясли, дольше матери не позволялось находиться в декретном отпуске. Мы переехали к Сашиной маме и пошли устраивать сына в учреждение дошкольного воспитания. Как сейчас помню, с дитем было велено принести на смену двадцать пар колготок.

– Зачем так много? – Удивилась я.

– Все дети писаются.

– Наш нет.

Несмотря на то, что Кирюха был несколько мелковат, ни-

же сверстников, учился всему быстро.

Внешне больше на меня похож. Летом его волосы выгорали в яркую рыжину, получалось жизнерадостное, маленькое солнышко. Цвет глаз тоже мой – зеленый, но в теплый карий. Честно говоря, Сашиного практически ничего и не было. Однажды смешно вышло. В ясли, а потом в садик, Киру возила я. Толмацкий повел лишь однажды и заявил, что больше делать этого не станет.

– А что такое? – Интересуюсь.

– Я, черноволосый мужчина с «характерным» носом, кавказец практически, тащу светленького зеленоглазого мальчика на закорках, а он орет на всю улицу: «Где моя мама!? Хочу к маме!» Ты не представляешь, как на меня все оглядывались! Будто я чужого ребенка украл!

А активным и живым темпераментом Кирилл точно пошел в отца. Мне часто казалось, что муж находится в четырех углах комнаты одновременно. И сынок в детсаду ни одного утренника не пропускал: если не читал стишки, пел песенки, танцевал. Энергия, что называется, с ушей капала.

– *Кстати, считала, название его трилогии «Дециллион» – производная от сценического псевдонима Децл (маленький, чуть-чуть). Оказалось, величина дециллион используется в ядерной физике, астрофизике, в них ученые-экспериментаторы считают период полураспада протона с последующим преобразованием в новую энергию.*

– Очень может быть, какой-нибудь подобный месседж он

и имел в виду! Иногда такое мог завернуть в разговоре, что я просила: «Сын, для обычных людей давай попроще, а «10.33 на часах, темные очки на глазах» оставь для ценителей.

Сейчас я часто думаю про его время. И, знаешь что? У Кирилла время бежало, будто изначально он был заточен на жизнь по ускоренной программе. Как в книжке «Приключения Чиполино» Джани Родари, которую он обожал и выучил почти наизусть. «С этого дня события понеслись с неслыханной быстротой – одно событие за другим. Поспешим и мы: дни летят, как листочки отрывного календаря, пробегают недели, а мы едва успеваем что-нибудь разглядеть».

Слишком рано повзрослел, юным обзавелся семьей, стал отцом и так же рано ушел. Невыносимо рано... Однажды он сказал, что собирается жить лет до четырехсот пятидесяти, ведь столько интересного вокруг происходит и не хватает времени все узнать и освоить.

– Тогда же он озвучил мысли об инсценировке собственной смерти в тридцать пять лет? Мол, было неплохо бы уехать на остров, где никто тебя не знает. Обнулиться. Ну нет больше сил быть одним в поле воином. Наше поколение мечтало освободиться в чужой стране, надеясь, что в других обстоятельствах и остальное пойдет по-иному. Следующее мечтает об островах, почему нет? Что, если бы это оказалось правдой?

– Тогда я стала бы самым счастливым человеком на свете! Только существуют ли прекрасная звездная стратосфера

и остров необычайной красоты, куда мы смогли бы попасть в другой жизни? Или в реальности есть только страшные совпадения? Оказалось, впервые про инсценировку смерти и жизнь на острове Кирилл рассказал ижевскому изданию. Именно там, в Ижевске, сказал! Как такое может быть?

Возможно, смысл нашей жизни в том, чтобы успеть ответить на все эти вопросы, пока дреды еще не дотянулись до земли. Вот никогда не вникала в смысл ношения дредов! Думала – просто мода, пришла себе с Ямайки и прижилась в российском хип-хопе. Легкомысленно относилась. Даже не смогу сказать точно, в каком возрасте он впервые их заплел. Моего согласия на прическу-вызов сын, конечно, не спрашивал, равно как и Сашиного. Решил – сделал. В Москве специалистов было один-два и, наверное, они только учились этому мастерству. Лишь однажды, когда несколько прядей сваялись в почти валенок, попросил помочь. Тянула, ковыряла вязальным крючком, но смоталось насмерть, там еще воск какой-то был... Не вышло, короче. Пришлось надрезать.

У Киры дреды, даже когда сильно отросли, были стопроцентно натуральными, то есть из собственных волос. Так и подмывало дотронуться и я себе не отказывала. «Мам, ну, не будь как все те девчонки, которые постоянно хотят за них подергать и бесконечно спрашивают, тяжело ли мыть голову!» – Улыбался сын. «Я же тоже в некотором роде девочка», – отшучивалась я.

И всегда, знаешь, обсуждали со смехом, юмором. Помню,

подколола его:

– Как же ты будешь без своих драгоценных дредов, когда станешь пожилым?

– Почему без дредов?

– Ну дядьки все лысеют, на что заплетать-то?

– А я просто поседею и у меня будут длиннющие белые дреды.

Сейчас понимаю, что никогда не представляла его стариком, да и вообще хотя бы в среднем возрасте. До последнего времени не знала, что дреды, коснувшиеся земли, означают конец пути, выполненную миссию.

Тучи сгушались и расплзались над Пушкинской площадью намекая на скорый дождь. Был конец самого холодного из июлей, что я только помнила. «Перемен!» – Скандировали молодые люди, теснимые серыми рядами полицейских. Барельефные лица с мемориальных досок, которыми богат центр столицы, равнодушно наблюдали за происходящим. Каменные и гипсовые они больше не могли выражать эмоций. Впрочем, эти глаза и не такое видели. Меж тем картинка была сюрреальна: на разноцветный людской поток со стороны бульваров наступала серая масса, а сверху наваливалась огромная черная туча. Серость в берегах красноватого гранита фасадов казалась монолитом, а разноцветные человечки становились все меньше и разрозненнее.

На входе в метро подумалось: жаль, до хвоста легендар-

ной лошади никак не добраться. Могла бы случиться некая преемственность поколений. Не такие уж мы и разные. Уже дома прочла в новостях, что молодых и самонадеянных в тот день на столичных улицах били резиновыми дубинками, тащили по тротуарам, увозили в автозаках. История про яйца коня перестала быть смешной.

Унылые лица, усталая вялость,

Голодные люди, сытая власть.

В этой стране ничего не менялось -

Вечные пробки, стройка и грязь.

«Пробки, стройка, грязь». Detsl aka Le Truk, 2015 г.

Дело о швейной машинке

Из личного архива И.Толмацкой.

Почему из всех претендентов на руку и сердце она выбрала невзрачного еврейского паренька, тогда еще вовсе не похожего на стареющего де Ниро? Вероятно, из-за его фантастической настойчивости. Ну и любовь, конечно, была. А когда есть чувство, обо всем остальном вообще мало кто думает. Особенно, если лет тебе немного, кажется, что море по

колено, и целая жизнь по плечу.

Разве проблема сшить на ножной машинке свадебные брюки ввиду отсутствия таковых в магазинах? Вовсе нет. А если еще и попросить Изю Абрамовича помочь скроить пиджак, можно сшить и его! Или живешь ты, к примеру, на последнем этаже, а ремонт крыши затягивается, просто подставляешь тазики и кастрюльки, чтобы веселым летним ливнем не смыло хотя бы ребенка. Да, ей миниатюрной барышне, приходилось на себе таскать коляску на пятый этаж. А детские коляски наша промышленность выпускала сродни качелям – монументальные. Ну и что? Лифтов в пятиэтажках не было как класса повсеместно и коляски на разные высоты поднимали все имевшие младенцев женщины.

В общем, не хуже других жили. Даже телевизор был. Правда, черно-белый и с утраченной ручкой переключения программ. Но и в этом семья Толмацких мало отличалась от всех остальных! По совершенно неясной причине у телевизоров отечественного производства первым делом отваливался именно переключатель. Впрочем, в каждом доме имелись клещи системы плоскогубцы, которыми оставшийся без укрытия штырек можно было вполне ловко проворачивать. Я и сама помню, как ручка нашего «Рекорда» однажды обвалилась на трансляции съезда КПСС. И только потому, что дед не мог припомнить, куда засунул инструмент, все вынужденного слушали ослабший голос уже сильно хворавшего Леонида Ильича Брежнева.

Над генеральным секретарем ЦК КПСС посмеивались, слагали анекдоты про чучело, вместо которого возят Брежнева. И кто бы мог подумать, что скоро всем станет не до смеха. Когда Брежнева после серии высочайших похорон сменяют другие. На место серых всегда приходят черные. Хотя, казалось бы, как далека вся эта большая политика от обычной московской семьи.

Иру по благу (по-другому в то время дела не делались) пристроили продавцом в валютную «Березку». Саша вел дискотеки и шил на дому, открыв в себе настоящий портняжный талант. На этой почве задружился с ныне знаменитым модельером Еленой Супрун. Дружба произошла из оверлока, швейного устройства для обработки края ткани, по тем временам редчайшего дефицита, который Толмацкий сумел для нее достать. Его собственные швейные опыты поначалу были скромными – отстрачивал вещи для себя и жены. Дальше – больше. Купить что-то из одежды в магазинах было крайне проблематично, и он стал портняжничать на продажу. Джинсы, которые большая часть советских людей видела разве что по телевизору на американских безработных, были мечтой. Настоящие фирменные, продаваемые из-под полы на Кузнецком, стоили дорого. И будущий продюсер Толмацкий четко поймал волну – вот что надо шить!

Ира и Кирилл часто засыпали под звук швейной машинки и просыпались под него же. До промышленных масштабов, конечно, не дошло, но пар десять джинсов за сутки по-

лучалось. Успех на фарцовочных точках был колоссальным: штаны made Толмацкий стоили гораздо дешевле родного «ливайса», модели интересные, от подлинных не отличишь, да и качеством были ничуть не хуже – шовчики ровненькие, стежки одинаковые! На вырученные от продажи штанов деньги и жили. Пока не случилась первая семейная драма.

Не будь ее, может, и жизнь пошла бы по-другому. Никакого рэпера Децла не было бы, а был бы Кирилл Александрович, как мечтала мама, доктор или дипломат. А Толмацкий-старший дорос бы до модельера или дизайнера. Но история, даже маленькая семейная, сослагательного наклонения не терпит. Сейчас она уже не помнит, за что именно арестовали мужа. То ли за нетрудовые доходы, то ли за сбыт этих проклятых штанов... Не суть, к власти пришел Андропов, и понеслась – выявляли и ловили всех, кто выбивался из советского штатного расписания. Страну охватила почти шпиономания: пристально следить, сколько килограммов выращенной на огороде клубники сосед потребил сам, а сколько отнес на базар – стало нормой. Сейчас это кажется совсем дикостью: ну мог человек дома на ножной машинке платье отстрочить – разве это плохо? Не убил, не украл, не смошенничал. Продал сшитое собственными руками! И как такую деятельность назвать «нетрудовыми доходами»? Посиди за машинкой ночку-другую и сам посмотри трудовые они будут, или нет.

Ирине до сих пор та история вспоминается, как нечто по-

что невозможное, будто произошло не с ней, а с героиней кино или детективной книжки:

– Даже, когда Сашу уже задержали, я не могла поверить в реальность происходящего. На Петровку, куда меня повезли как свидетеля, ехала с легким сердцем. Думала, объясню, расскажу, как было, и все выяснится! То есть дура полная. Вера в самое справедливое в мире государство была еще крепкой, несмотря на обыск, который проводили в нашей квартире глубокой ночью.

Их было трое. Кирилл спал. Маира Яковлевна вежливо показала им швейную машину, достала коробочку, в которой аккуратно хранила товарные чеки. Перевернули все. Особенно не понравилась им детская одежда с этикетками. Подруга привезла для Кирюхи из Испании. До некоторых вещей мы еще не доросли, не носили то есть, потому и бирки не срезала. Тогда же все старались запастись на вырост! Но, что для простых людей – дело житейское, для органов оказалось почти равным намерению спекулировать.

– Пойдешь соучастницей, кто твоего ребенка воспитывать будет? Посидишь у нас пока, подумаешь. – Сказали мне на Петровке и повели думать.

Ни до, и ни после я не испытывала подобного унижения. Прежде чем поместить в камеру, тебя обыскивают. На сапожках у меня были шнурки – их срезали.

– Зачем? – Спрашиваю.

– Чтоб ты на них не вздернулась. Колготки тоже давай.

За спиной противно лязгнул замок. В камере находилась только одна женщина, симпатичная очень, кстати. Она лепила фигурки из хлебных мякишей, часть была явно сделана ею давно – я обратила внимание, что хлеб успел зачерстветь. Женщина эта сходу стала меня утешать, мол, не переживай, все наладится. Ты главное им скажи, где мужик твой деньги прячет. Думаю, ответ на этот вопрос был главной целью моей показательной посадки. Но при всем желании я не могла просветить их в этой области – никаких сбережений не было, мы, прожорливая семья обвиняемого Толмацкого, все вырученные за штаны деньги реально проедали. Двое суток эта тетка со мной помучалась, на третий день я осталась в камере одна. Видно, подсадная утка, сказала своим кураторам, что дура я беспросветная и к тому же, судя по всему, нищая.

В тот же день мне велели убираться восвояси. Не нашла в себе сил ехать домой или к родителям. Отправилась к Кате, мы с ней с четырнадцати лет дружим. Помню, как маленькая (во всех смыслах, мне только 22 года исполнилось) и совершенно ошарашенная плелась по улице. Шок был серьезным. В нем смешалось все – испуг, возмущение, безнадега. Я поняла, что можно вообще ничего не сделать, но к тебе придут ночью, оскорбительно перевернут вверх дном твой дом, а потом и вовсе лишат единственного, что у тебя вроде бы точно есть – свободы.

Звоню в дверь, Катя смотрит в глазок и не узнает меня, спрашивает: «Кто?» А я в СИЗО всего-то трое суток прове-

ла. У подружки выплакалась. Рассказала ей все. Катя из интеллигентной семьи, дочка художника, и тоже наивная до предела. Стала убеждать меня не опускать руки, бороться, если человек не преступник, нельзя его в тюрьму! Потом все мы еще подергались – искали знакомых, чтобы как-то повлиять на исход суда, – но ничего не вышло. Штаны ставились в вину Толмацкому и еще одному парню, чей отец по счастливому для него совпадению имел отношение к номенклатуре. В общем подельника освободили, а Саша сел.

Дали три года. Сначала отправили на зону, потом за хорошее поведение – «на химию» в Ульяновскую область. Мы, Кирюша, мама Саши Маира Яковлевна и я, стали ждать его возвращения.

Работу, конечно же, пришлось сменить. Хорошие люди выручили – приняли в Институт гематологии неподалеку от дома лаборантом. Зарплата в семьдесят рублей – не разгуляешься, но все-таки. Надо же на что-то жить с ребенком и передачки мужу слать. До сих пор мое любимое блюдо – это жареная капуста с яйцами, начинка такая для пирогов, правда, без пирогов.

Маира Яковлевна, случалось, плакала по ночам. А я нет. Как проревелась у Кати в день выхода из СИЗО, так больше – ни слезинки. Смирилась к тем, что самый лучший город земли в одночасье перестал быть для меня безопасным. Но есть ребенок, маленький солнечный мальчик. Значит, надо приспособливаться.

Кстати, импортные детские вещи с этикетками, изъятые во время обыска, мне так и не вернули. И с этим обстоятельством я тоже смирилась – у следователей, наверное, тоже были дети.

По тундре по железной дороге

Не по такой уж и тундре, конечно, но к месту отбывания Толмацким срока, в поселок под Ульяновском, им с Кирюшей пришлось ехать в общем вагоне. На купе денег не хватило. А Ира хоть и с другой стороны Ленинградского проспекта, но все-таки из Москвы. И она до смерти боялась тех своих попутчиков.

В плацкарте, в котором она оказалась впервые в жизни, ездил тот самый, по меткому чиновничьему выражению, глубинный народ. Вымотанные, нагруженные как выючные животные мешками с картошкой, связанными между собой (так удобнее тащить на плече) авоськами с продуктами, пахнущие дешевым табаком и потом люди. Никогда еще Ира не сталкивалась с ними так близко и на всякий случай опасалась. Ульяновская область, в которую они все направлялись, казалась ей той же тундрой, только чуть ближе. В общем, забила на верхнюю полку в уголок вместе с ребенком, жареной курицей и вареными яйцами «в дорогу», мечтая, чтобы никто не обратил на них внимания.

Ничего ж не поделаешь: как-то надо ехать. Муж ждет. В режимном поселении намечалась первомайская демонстрация, он рассчитывал на условно-досрочное освобождение. А жена и ребенок были просто необходимы для усиления положительного облика заключенного Толмацкого!

Кирилл, душа нараспашку, «глубинных» людей вовсе не испугался и быстро устал сидеть на одном месте. Всем рассказал, что зовут его Кирюша и едут они к папе. Прочел стишок женщине с уставшими глазами, и она заулыбалась. Подружился с дедом, пахнувшим папиросами «Беломорканал», и тот показал фокус со спичками. В общем, поезд тронуться не успел, а Ира с сыном стали центром внимания всего общего и совсем не страшного вагона.

Доехали. Кирилл, совсем кроха, помнил, что бритая голова отца когда-то была совсем другой. Гладил того по остаткам волос, приговаривая: «Как ежик... Папа как ежик». А родители изо всех сил старались не разреветься при ребенке.

На следующий день всем выдали красные флажки, и семья Толмацких отправилась демонстрировать восхищение маем, трудом и советским строем в целом. Как отличалась эта майская демонстрация от тех, на которые Ира ходила когда-то с папой! Но старалась улыбаться как можно естественнее, вместе со всеми кричала: «Ура!» Будущая звезда хип-хопа сидел у отца на руках и размахивал красным флажком.

Ульяновский вояж пошел Александру на пользу – перед Новым годом его освободили условно-досрочно. Но страх не отпускал еще долго. Уговорить его пойти отмечать праздник к друзьям, всего-то до соседнего квартала, оказалось сложной задачей. Час она уговаривала и еле вытащила. На обратной дороге увидели заснувшего в сугробе пьяного. Ира хотела позвонить из автомата в «скорую» или милицию – замерз-

нет же человек! Но муж уперся: «Не надо, потом скажут, мы во всем виноваты. А у меня условно-досрочное». Пришлось звонить позже от соседей.

Еще с того момента, как вспоминается Ире, Саша больше никогда не шил. Даже с оторвавшейся пуговицей подходил к жене. Как отрезало, в общем.

И все-таки жизнь потихоньку стала налаживаться. Толмацкий вернулся к своим дискотекам, а потом занялся продюсерской деятельностью – маленький Родька Газманов спел под его чутким руководством «Люси». Кирюха подрастал. В стране намечались долгожданные перемены.

Перестройка, гласность и наша прекрасная огромная баржа «СССР», поплевавшись старыми двигателями, взяла курс на демократию. Правда, самые острые события, вроде путча 1991 года, Толмацкие с легкой Ириной руки пропустили. Она попыталась самостоятельно починить задымившуюся розетку и вырубилла электричество во всем доме. Когда же проводку наладили, никто не мог понять, почему по всем телевизионным каналам идет «Лебединое озеро».

Люди гибнут за металл

– В отношении к материальным радостям жизни мы с Кириллом всегда были одинаковыми. То есть понимали, конечно, что с деньгами лучше, чем без них, но в приоритете обеспеченность никогда не стояла. Саша совсем другой. Он-то всегда прекрасно умел считать, зарабатывать и распоряжаться средствами. На этой почве часто возникало непонимание. Не бытовые скандалы в ключе «куда бабки дели!?!», он действительно не мог нас понять на каком-то клеточном уровне. Другой.

Ну не укладывалось в его голове, как взрослая женщина может вычислять счастливый билет в автобусе. А я считала! Помнишь, были билеты в рулончиках, от которых их отрывали на стоимость проезда? Если сложить первые три цифры номера и сумма совпадет с результатом сложения последних трех, билет можно считать счастливым. Или общая сумма цифр номера получается круглой – снова счастье. Или три в номере присутствуют три семерки... На самом деле вариантов была масса – и все счастливые.

Вот и Кирюша из моей породы любителей цифр и головоломок. Целая история про него есть на эту тему, кстати. Из первой зарубежной поездки, кажется это был Сингапур, Толмацкий привез машинку на радиоуправлении. Здесь таких и не видел никто! Не успел Кирилл выйти во двор, обсту-

пили мальчишки. Те, которые постарше, естественно, стали думать, как бы заполучить такое сокровище.

В общем, вечером сын пришел домой без машинки, зато с какими-то листами бумаги и абсолютно счастливый:

– Мама! У меня есть военная карта с кладями, пойдем искать!

В сообразительности хитрецам, конечно, не откажешь. Навыдирали из учебника географических карт, от руки подрисовали всякие таинственные пункты и предложили обмен:

– Смотри, Кирилл, вот тут обозначен затопленный парусник, а здесь – дорога в джунгли, где зарыты сокровища индейцев... В общем, хочешь, мы тебе карты, а ты нам машинку?

Расчет был тонок, мальчику-фантазеру любые приключения важнее, чем пусть даже и уникальная игрушка. Расстроился, конечно, когда я сказала, что таких карт из учебников истории можно навыдирать миллион до неба, а папин подарок, пожалуй, стоит вернуть. Зачарованные чудо-машинкой мальчишки так и сидели во дворе, и мы легко совершили обратный обмен.

Кирилл огорчился не от осознания, что дворовые приятели воспользовались его доверчивостью. Кладов и затопивших кораблей на самом деле не существует! Во всяком случае этих, придуманных тут же на коленке у московского подъезда. Готовность поверить в чудо жила в нем всегда. И к этому волшебному (или наивному, кому уж как нравится)

мироощущению приложил руку дед Анатолий, мой отец, которого сын обожал. Сколько помню папу, он постоянно придумывал для внука сказки, где принц Кирюша путешествует по прекрасным странам, попутно сражаясь с драконами и спасая пострадавших принцесс.

Так и вырастили рыцаря – медом не корми, дай кому-нибудь помочь, поддержать, выручить. Однажды отдыхали в Сочи. Каждый день, проходили мимо уличных музыкантов, калымивших на набережной. Иногда останавливались послушать, и сын просил монетку, чтобы положить ребятам в шляпу. В какой-то день посетовал – маловато кладут и предложил ситуацию исправить. От неожиданной оферты обалдели и мы, и музыканты.

– А что? Петь-то я умею! – Сказал сын.

– Ну пой! – Поддержали его музыканты и заиграли неизвестную мелодию. Ребенок запел еще более неизвестный нам текст. Дословно не вспомню, песня была объемной, но там точно присутствовала такая строчка:

– Ой спасибо, козлик наш рогатый, без тебя бы умер волк бы наш лохматый.

Сочинял на ходу, и мы с Толмацким покатывались со смеху. Наверное, это можно считать первыми опытами авторского рэпа. Даже рифма, какая-никакая, присутствовала. К слову, Кирилл оказался прав – за детский вокал подавали охотнее.

На следующий день, сын заснул в номере, а мы с Сашей

отправились пройтись по набережной.

– Здравствуйте! – Машут нам музыканты. – А мальчик сегодня про козлика петь придет?

Конечно, готовность кидаться на выручку и доверчивость много раз выходили сыну боком. Во взрослом возрасте, бывало, предлагали разные проекты. Он загорался, включался, привычно вытаскивал на себе. Потом все в сливках, а он – в стороне. Так было ни раз и ни два. Но меркантильности в нем все равно не родилось. Ну не было в Кирилле гена, отвечающего за расчетливость и все тут! Только фантазия и доброта.

Саша, случалось, на эмоциях называл нас породой легковерных дураков, говорил, все время огребать за это будем. Прав был. Но, несмотря на весь местами очень горький опыт, ни я, ни Кирилл не изменились. Такая уж мы порода, обреченная верить в то, что все обязательно будет хорошо. Потому что, если у человека мысли позитивные и намерения честные, все должно быть хорошо. Разве нет?

После маленького Родьки, который пошел в школу, и был отлучен от гастрольной деятельности, Саша стал заниматься Олегом Газмановым. Выстрелил «Есаул», начали расширять репертуар. Олег бывал у нас в Амбулаторном, запомнился тем, что выглядел уставшим и все время спрашивал: «Ир, у вас пожрать нечего?» Тогда продуктов не было, а в гости ходили проще, чем теперь. Никаких мобильных, просто звонок в дверь: «Привет, мы к вам». И мне это нравилось!

Заглядывал уже знаменитый Саша Цекало. Помню юного и невероятно харизматичного Филиппа Янковского. Он только начинал снимать клипы, фонтанировал идеями, горел просто. Делать собирались «Морячку», кажется. Внешне абсолютно не похожий на отца, Филипп был вылитым Олегом Ивановичем в жестах, мимике и в чем-то еще почти неуловимом. Предлагает Толмацкому:

– Можно сделать море фоном, волны плещутся...

А Саша нудит:

– Бюджет маленький, много платить не можем

– Еще неплохо бы...

– Договорились, но много платить не можем.

Позже, в другой своей жизни, Саша стал говорить, мол, из дорогой посуды еда вкуснее. Тогда же ел из любых тарелок и то, что было, вместе со всеми – артистами, операторами, режиссерами.

Сейчас 90-е принято ругать, а я вспоминаю их, как очень творческое и яркое время. Все хотели создавать, развиваться и в дурацком нелюбимом мною шоу-бизнесе в том числе. Сейчас шоу-бизнес – это гора, которую хрен прошибешь. Таким, как мы с Кириллом, там уж точно делать нечего. А, может, оно изначально было именно так...

Где-то на прекрасных островах

Стерлитамак, Башкортостан.

Ира рассказывала эту историю вскользь, не сильно придавая ей значение и сомневаясь, стоит ли вообще включать ее в книгу. Но по законам жанра именно второстепенная и будто бы лишняя особая деталь едва ли не яснее всех прочих показала суть всех участников этого происшествия. Как если бы на старую раскраску кто-то случайно опрокинул стакан воды, и она расцвела скрытыми внутри оттенками.

Все произошло под Новый год в перевернутом заэкваторном мире. Тогда – это вам не сейчас. Провести зимние праздники на экзотических островах могли себе позволить редкие

счастливики. Теперь встретить Рождество на Мальте так же просто, как заехать на рюмку коньяку в Мытищи к теще. Тогда же осторожные вылазки за экзотикой были единичными. Даже те, кто успел поймать мейнстрим и заработать, туристами были весьма условными – на рожон не лезли, дальше пляжей не совались. Да и какая-нибудь Паттайя еще не встречала гостей родным восторженным матом под широкие улыбки местных пейзажей и праздничной елкой. Другим было время.

В Индонезии, куда в большой русскоговорящей компании поехали Толмацкие, действительно есть, на что посмотреть. Красивейшие леса, сюрреальные храмы из черного вулканического камня и живые вулканы, выплевывающие сердитые облачка с серным намекающим на близость возмездия за несправедную жизнь запахом. Впрочем, наш турист до последнего времени посещал здешние курорты в основном из-за побережья океана. Пляжный сервис всегда предполагал бонусные цены хоть в Анапе, хоть в Улувату. А съевшие собаку в вопросе экономии наши привычно платили там, где дешевле.

Однажды Толмацкие отправились на морскую прогулку. В предновогодние деньки круче экзотики для граждан из города морозов и реагентов, согласитесь, придумать сложно. Помимо них в старенькую моторку улыбчивого аборигена уселось еще человек шесть, и она самонадеянно вышла в море.

Сначала лодка издавала скрипучее «бур-бур-бур», потом «бур-бур, а закончила «бур... у...дец». На этой мажорной ноте, Ира и не только она, поняла, что берега не видно. Во-круг, куда хватало глаза, расстилалась бесконечная вода.

Невозможность запустить двигатель из бака коего, как выяснилось, вытекло все горючее, растерянность капитана судна – там все собралось воедино. Лодчонку, неуправляемую и хлипкую, неумолимо понесло в океан. Вообще люди паникуют по-разному. Саша орал на парня-индонезийца, соблазнившего их морской прогулкой, но по какой-то причине не взявшего с собой сигнальных ракет. Отец семейства наивно полагал, что подобный беспечный сервис он оставил на родине и тут-то точно отдохнет цивилизованно. Впрочем, вопли его адресата если и достигали, то эффекта не имели. Тот ни слова не понимал по-русски и на всякий случай вежливо улыбался. Ира вспоминала, как кто-то бранился по-немецки, причем, с тем же результатом.

Ей было страшно, просто очень страшно. Спасательные жилеты, которые организатор досуга взять в лодку все же догадался, утешали не сильно. Куда плыть-то? Темнело, границы бездны становились все более размытыми и жуткими. Есть в открытом море одна совершенно выбивающая из колеи штука – ночью неясно, где вода, а где небо, и кажется, вода везде.

Кирилл взрослого ужаса не разделял. Держал мать за руку, рассказывая, как все благополучно закончится:

– Мам, не бойся! Тут кругом полно островов! Рано или поздно нас обязательно прибьет к берегу. Поживем некоторое время как Робинзон Крузо.

Через полтора часа безнадежного дрейфа, когда уже начало казаться, что спасения нет, показался огромный пассажирский лайнер. Он светился ночной иллюминацией, шел быстро, элегантно как в кино поднимая волну. Лодочка взвилась криками: «SOS! Помогите! Мы здесь!» – на всех мыслимых языках. Удивительно, но их даже заметили! Судно приветственно погудев, аккуратно обогнуло лодку и... скрылось в экваториальной темени.

Тема о том, почему нельзя умирать сейчас, материализовалась из воздуха. Кто-то просто сказал:

– Нам умирать сейчас никак нельзя, наш малыш остался с родителями, каково им всем будет...

– А мне и подавно сейчас нельзя! Я еще не родил ребенка, не посадил дерево, короче, ничего не успел, – подхватил второй.

– У нас в Москве остался Василий, – неожиданно заговорил Толмацкий-старший. – Пес породы мастино неаполитано. Здоровый такой кабан, мама его точно не прокормит. В общем, и мы пока не можем.

В компании, в составе которой Толмацкие прибыли на отдых, были те, кто морские прогулки игнорировал. Например, знаменитый артист Александр Малинин. Он и забил тревогу. Служащие здешнего отеля имели удовольствие наблю-

дать редкое явление: российский исполнитель белогвардейских романсов в элегантных летних штанах, всегда подчеркнуто вежливый, крыл их на чем свет стоит. Шутка ли – два часа лодки нет! Требовал принять меры, поднять вертолет, делать хоть что-нибудь, не сидеть сиднем!

Ему возражали – отель к экскурсии на старом корыте отношения не имеет, ответственности за его друзей не несет.

– Гады... Там же дети!..

Обнаружили несчастных случайно – лодка, полный клон той, на которой попали в передрагу они, только с баком без пробоин, поделилась топливом. «Бур-бур-бур» прожорливо заговорила посудина и двинула к берегу. Не дотянула метров пятьсот – горючее снова вытекло. После того, как Ира услышала от двигателя уже знакомое «бур...у...дец», надела на себя и сына спасательные жилеты, схватила его под мышку и прыгнула в воду.

Вторая лодка держалась неподалеку и была готова поделиться горючим снова, но Ира не могла ждать. И даже грозное мужнино: «Хотя бы ребенка оставь, утонете оба!» – не остановило. Спустя много лет она рассказывала, что помнит все до мельчайших деталей – они плыли вдвоем, черная вода расступалась под руками как желе, висела громадная луна и берег ободряюще подмаргивал огнями. Она видела цель, сын был рядом, так чего ждать? Ты просто прыгаешь и плывешь!

Александр Яковлевич причалил с остальными туристами чуть позже. И, наверное, это было разумно.

Бойскауты и рэп

Швейцария. Из личного архива И.Толмацкой.

– Во всех последних статьях и передачах о Кирилле на обучении в Швейцарии почему-то делается особый акцент. Типа дорого, мажорно, модно. Ну разве что последнее... Да, определенный круг людей, получив финансовые возможности, потащил детей учиться за рубеж. Долгое время заграничное образование было доступно разве что отпрыскам дипломатов и прочей номенклатуры, а тут железный занавес упал и нас прорвало! Если во всем мире молодежь может выбирать любой университет любого континента, чем наши дети хуже? И потом, мы ж там ничего не знали! Хорошо ли преподают, плохо ли, но я логично предполагала, что иностранные языки выучить точно должен. Все было просто. Швейцарию порекомендовали друзья: нам – школу, нас – преподавательскому совету.

На самом деле ничего элитарного там не было. Ребята жили как настоящие скауты: их вывозили в горы, учили жить в условиях дикой природы, преодолевать сложности, быть самостоятельными. Однажды звонит:

– Мам, расскажи быстренько, как готовить борщ!

Еще б не быстренько – тогда мобильные были как холодильник в руке, для уверенного приема люди залазили на дачные хозпостройки, а звонки стоили как крыло Боинга!

– Что рассказать?

– Рецепт! Ну как борщ варить...

– Зачем тебе, сын? Ты голодный там?

– Мы в горах, я должен приготовить для всех любой русский суп. Предложил борщ. Рассказывай, как варить.

Кстати, от его борща все были в восторге.

Оправить сына в Швейцарию – мое решение. В будущем Кирюша виделся мне блестящим дипломатом. Плюс хотела ему судьбы мужской, следовательно, самостоятельной, думала, будет гражданином мира, ведь для его поколения, в отличие от моего, это стало возможным. Да, вынуждена признать – мы пытаемся видеть в детях то, что не получилось из нас самих. Но все задатки для осуществления моей мечты в нем были.

Помню, маленьким кричит из двора:

– Мам, меня обижают.

– Дай сдачи!

– Мам, он большой!!!

– Тогда возьми палку и врежь палкой!

Да, хотела, чтобы рос мужик. Тот, кто способен постоять за себя и то, что будет в жизни дорого. Впрочем, волнуешься, конечно. Через пять минут выглядываю во двор – обошлось без палки, ребята на повышенных тонах, но все-таки разговаривают. Ну чем не будущий дипломат?.. Знаешь, потом самые разные люди мне говорили, что Кирилл – очень интеллигентный и воспитанный собеседник. И это правда.

В Швейцарском интернате его соседом по комнате оказался чернокожий парень, сын короля Зимбабве, отличавшийся неистовой любовью к хип-хопу и ужасным запахом ботинок.

Кирилл пытался уговорить того хотя бы выставлять обувь за дверь, но бесполезно. Как ни смешно, но по рассказам сына, бесконечный рэп раздражал едва ли не меньше благоухающих ботинок.

Вот ты спрашиваешь, как началось то субкультурное, что сделало его символом поколения и все такое? А мне вспоминается ерунда всякая.

Первая песня, которую он пел, еще сидя на горшке – это «Автомобили, автомобили вы все шоссе заполонили...», – хит группы «Веселые ребята». Еще ему ужасно нравилась Катя Семенова, однажды даже объявил нам, что женится на ней, как только вырастет.

– А как же я, сын?

– Мы тебя не бросим, проживешь как-нибудь с нами, – успокаивал Кирюша.

Музыкальные пристрастия были очень обширными. Фанател от Prodigy, а кто от них тогда не фанател? Однажды купила диск с церковными песнопениями, сын послушал и сказал, что это невероятно круто. А некий прообраз хип-хопа случился с ним еще до Швейцарии. Не очень получалось запоминать стихи, да и готовить домашнее задание – штука в принципе скучная. И однажды сын придумал учить стихи под музыку. Ужасно забавно было слушать что-нибудь вроде «Скажи мне дядя, ведь не даром» под «клубняк». «Главное, чтоб ты на уроке не выдал так, как выучил!» – переживала я.

На самом деле заграничное образование наш бедолага

долго не вытерпел. Трех лет не прошло, как запросился домой. Мол, без нас в чужой стране ему страшно одиноко. На то и купил. Спасибо, языки действительно выучил. Хотя бы часть хитроумного родительского замысла относительно Швейцарии реализовал. Да, что там... Моего замысла.

Потому что, если я пыталась вылепить условия для формирования идеального дипломата, то Саша, уже достаточно поднаторевший в деле производства артистов и сам мечтавший о развитии на сцене, видел сына в шоу-бизнесе. Тем более, что счастливый случай, о котором все мечтают, конкретно у нас уже произошел.

История известна. Саша сотрудничал с Владом Валовым и «Bad В. Альянсом» и впервые на голубом экране Кирюша появился в их клипе на композицию «Пачка сигарет». Прикола ради сын изобразил уличного пацана, стырившего в ларьке сигареты.

Намечался очередной Кирюшин день рождения и отец, не зная, что подарить, спонтанно снял для него клип на песню «Пятница». К празднику папочкин подарок выпустили в эфире MTV Бори Зосимова и понеслось. Клип нашего дебютанта попал в ротации, а через несколько дней позвонил Боря: «Заберите уже отсюда мешки писем для Кирилла! Их реально некуда складывать». На школьных листках бумаги в клетку и линейку повторялась фраза: «Еще! Хотим еще!»

А в нашем доме впервые прозвучало слово: «развод». Если жена упирается и не дает сотворить из ребенка звезду,

непокладистую женщину стоит припугнуть одиночеством. Я оставила право выбирать за Кириллом. Швейцарии, конечно, было жаль, но и ситуации, когда впоследствии сын обвиняет мать в испорченной жизни и нереализованных амбициях, тоже не хотелось.

Так и появился Децл. Невысокому щуплому пареньку псевдоним – чуть-чуть, маленько – подошел как нельзя лучше.

Было

Из личного архива И.Толмацкой.

Ира не любит говорить про звездный час и достаток, ограничиваясь кратким «было». А было на самом деле круто. Девочки исцеловывали стены, мимо которых проходил их кумир. Мальчики мечтали попасть на вечеринку к Децу. У каждого поколения свои герои. У молодых людей новой, выбравшейся из руин и безнадеги страны, героем был он – Кирилл Толмацкий. Вместе с ним, у него учились открываться миру и быть свободнее. Получалось не сразу.

Долгое время из всех возможных подростковых подвидов существовали только оболтусы и правильные пионеры. А в новом многообразии не так просто и сориентироваться! Панки, хиппи, рокеры, скинхеды, скейтеры, лысые и лохматые, трезвые и не очень – Манежная площадь принимала всех. Хотя парню с дредами ближе все же была старая добрая Пушки. Рэп-батлы в чем-то напоминали ему эпиграммы, которыми грешили великие русские поэты – портили друг другу кровь четверостишиями, троллили рифмой. Да, иногда такое общение заканчивалось стрельбой. Вот же он – немой укор стоит скорбно посередине площади именно себя, такая ситуация. Но по большому счету, талантливые пикировки, танцевальные или поэтические, все же лучше махания арматурой или драк «района на район». Интеллектуальнее что ли.

Кирилл верил в то, что основное назначение рэпа, батлов – дать выход молодому пару, минимизировать агрессию, сде-

лать мир добрее. Был убежден: философия улиц может быть мыслящей! Даже, когда он еще не писал стихов, читал чужое, «Письмо» или «Кто ты?» легко вписались в будущую канву философского рэпа. А уж когда начал писать сам... Впрочем, до этого еще много чего произойдет.

Если все время торчишь на улице, ты ее понимаешь, чувствуешь, становишься ее частью, как рука или нога у тебя самого. Ноги Кирилла помнили все Измайловские закоулки, переулки центра и это абсолютно реальная история. В те годы город нужно было знать, чтобы он знал тебя. Иначе можно вернуться домой без кошелька, часов и в весьма подавленном настроении. В лучшем случае.

На поддержание имиджа своего работает и легенда про то, как Влад Валов в одной из московских чудо-подворотен, где найти можно кого угодно, от доктора наук до нового Ван Гога, однажды обратил внимание на прикольного исполнителя брейк-данса. Вскоре оказалось, Децл и рэп неплохо читает.

Сказочка про уличного танцора вполне укладывалась в новую жизнь Кирилла. Гастрольная карусель набирает обороты. Парень с картонным стаканчиком китайской лапши в руке появляется то в Чебоксарах, то в Перми. Кличка Доширак прилипла не хуже Децла. Иногда его спящего переносят из самолета в самолет, чтобы успеть на следующую концертную площадку. Часто в ее роли выступает стадион.

На юного исполнителя хип-хопа обращает внимание крупный бизнес. Во время его выступлений со сцены в толпу

летят пластиковые бутылки Pepsi. «Лучше бы кидали минеральную воду!» – говорит Кирилл, но кому интересно, что он там говорит? Рекламный ход сработал эффективно: «поколение Пепси» – термин, характеризующий молодежь того времени пусть и не сильно комплиментарно, до сих пор в ходу.

Скейт – неотъемлемая часть уличной культуры. Значит парень с дредами должен встать на доску, в конце концов их тоже кто-то продает. Быть Децлом модно. Он по-прежнему может уснуть прямо на улице на матрасе, положенном на тротуар для съемок клипа, но прикрыт будет курточкой Converse. И это неслучайно. Как он будет говорить и во что одеваться, решают другие люди.

Рамки жмут не только подросткам. А если человек молод, мнение имеет плюс уже схватил маленькую «звездочку»? Такие ситуации сулят проблемы по умолчанию. Отец справедливо полагает, что от кроссовок определенного бренда еще никто не умер. А Кириллу кажется, что он сам, как личность, человек, ничего не значит и... растворяется. Уже не только маме, но и в публичных выступлениях Кирилл все чаще произносит слово «тошнит». Признается, что «забивал» на места, в которых обязательно должен быть, потому что существуют некие продюсерские договоренности.

Мог ли хороший продюсер не воспользоваться течением финансового потока? Конечно, нет. Для того он и продюсер. Могут ли люди с наполовину одинаковым набором хромо-

сом оказаться непоправимо разными? Запросто! Причем настолько, что будут любить друг друга искренне, преданно, но работать вместе не смогут. Спеть дуэтом с Иосифом Кобзоном на телевизионном Голубом огоньке – отличный продюсерский ход для одного, пошлость и не соответствие философии хип-хопа для другого.

Ира вспоминает, как в один момент споры между мужем и сыном стали делом обычным и регулярным. Она мешает крепкий кофе и улыбается. Несмотря ни на что, это теплые воспоминания. Проблемы, которые таковыми казались тогда, разногласия, как и многое другое, по итогу оказались просто жизнью.

Очень разные люди

нодар.

– Занятно, но относительно спокойно наша семья, вероятно, могла существовать только в классическом составе. Обычно Кирилл и Саша по отдельности описывали мне ситуацию, а я как заправский судья выдавала компромиссное решение уже обоим. Случалось, споры заходили так далеко, что приходилось становиться рефери и как на боксерском ринге командовать «брейк»!

Я старалась сглаживать все трения, вставая то на сторону сына, то на сторону мужа. В отличие от Саши Кириллу всегда можно было сказать: «Вот сейчас ты совсем не прав». Александр Яковлевич же авторитарен абсолютно. Если он не может контролировать ситуацию на сто процентов, его просто корежить начинает!

Когда до крайней точки кипения доходило между мной и Сашей, вмешивался сын. Увлечение мужа мотоциклами сразу приобрело размах бедствия – мои шлемики, мои колесики... Приобретенный Harley Davidson бесконечно протирался и начищался на даче. Однажды сдавала задом, не увидела и задела наш драгоценный мотоцикл. О том, что Саша выскочил во двор, через минуту знал весь поселок – с таким напором и отчаяньем разве что сирены орут. Следом из дома выбежал Кирюша:

– Отец-отец, только спокойно!

– Ты видишь, что она сделала!?

– Саша, прости пожалуйста, я же не нарочно.

Второй виток сирены.

– Это мое дитя!!!

– Мы все починим... – Пищу я, предусмотрительно не покидая машины.

– Пап, ну что ты в самом деле, я через три дня уже буду в Майями, – уговаривает его Кирилл, – там же самый крутой их сервисный центр, все тебе куплю, привезу. Будет круче, чем был. .

Александр Яковлевич утешился, и наконец я смогла выехать. Вещи всегда были для Саши были важнее чувств. Он такой и точка. Материалист. Двухэтажный пентхаус на Долгоруковской – для него важно, дача в престижном районе, дорогие автомобили – это статус. И не могу сказать, что Саша всего этого не заслужил.

В том, что касалось их с Кириллом сотрудничества, относился к сыну равно, как к любому другому артисту. Не потому, что плохой. Просто никогда не умел по-другому, не знал как. Есть у продюсера Толмацкого стандартный договор с артистом на пятьдесят лет, на большую половину предполагаемой биологической жизни то есть, его с родным ребенком и подписали. Ведь одинаковая с артистом фамилия совсем не повод пересматривать условия и переписывать бумаги, не так ли?

В интервью Саша часто повторяет фразу: «Тогда нас всех просто перло!» Может, его и перло... А меня вот совсем не перло. Да и Кирилла тоже. Только кто нас спрашивал?

Но не стоит думать, что любви не было! Это даже не обсуждается. По умолчанию была. Сейчас вот Толмацкий, богатый и знаменитый, отдыхает с молодой женой и идеальным набором детей на прекрасном средиземноморском курорте и пишет мне: «Плачу. Не отпускает».

И гордость за сына, а не за собственный проект «Децл», тоже была. Просто не получилось договориться. О том, что Кирилл – его, известного продюсера сын, Саша упомянул в интервью. То ли не подумал, что выходец из обеспеченной семьи будет плохо состыковываться с музыкой улиц, то ли не поборол искушения тоже поиметь немного славы...

Намеренно или нет, но секрет был открыт, сказка разрушена. Все поняли: таланта уличного танцора для успешного похода на Олимп недостаточно. Шансы есть, только если за твоей спиной будет стоять отец, его связи и его деньги.

Раскрытие легенды Кирилл воспринял болезненно и будет припоминать Саше очень долго. Оскорбительное «мажор!» сыпалось ему в спину со смешками и издевкой. Голодная улица не любит терять героев и, случается, от обиды демонстрирует не самые лояльные свои стороны. Но ведь и плюсы тоже были! Можно было смотаться в Нью-Йорк, закупить там пластинок и раздарить приятелям. Или заваляться на выходные с компанией в родительские апартаменты с пришвартованной неподалеку собственной яхтой «Le trisc» в Черногории. Знаю, о чем вы подумали: да, даже после разрыва между Толмацкими было больше общего, чем все

считали. И ребята, друзья-коллеги, с удовольствием этими преимуществами пользовались.

– Любой российский продюсер – рабовладелец! – Запальчиво говорил Кирилл в интервью и дома.

– Тогда пусть поживет без всего этого, в однушке на окраине и подумает, комфортно ли будет без, как он говорит, мишуры! – С полуоборота заводился Саша.

Александр Яковлевич тогда часто вспоминал любимый продюсерский афоризм: «Куда артиста не поцелуй – везде задница». Впрочем, его уверенность в том, что уж с кем-кем, а с сыном он договорится всегда, жила еще долго. Возможно, подобному заблуждению подвержены все родители.

Около поля

90-е выплюнули, если не сказать еще хуже, на сцену и в ближайший ее ареал массу прелюбопытного народа. Хронически недоедавшая страна окончательно выбрала мир потребления, погрязла в материальном и не сразу поняла, как начала во всем этом спорном великолепии тонуть. «Два кусочка колбаски» уже лежали на столе, требовалось расширить тему. Зарабатывать сомнительное бабло бок о бок с сомнительными людьми, стало нормой. Главное, побольше. Ты тот, сколько бабла ты стоишь. Где предел? А этого никто не знает! Слово «беспредел», активно употребляемое с самого начала 90-х, к нулевым окончательно обрело самый полный свой смысл.

Любая информация, кроме некролога – годно, эфиров должно быть столько, чтобы зритель четко понимал, кто его кумир. Таковы правила. Толмацкий-старший вписался в большую игру легко. Ира сложнее. Поначалу она просто боится. Вспоминает то время, как сплошное сумасшествие – Децл заполнил собой все. В утренних шоу он демонстрирует тонкости чистки картошки, в обеденных обсуждает школьные проблемы, вечером – выступает в «сборных солянках» или радуется телезрителя трудностями выживания на условно обитаемом острове. Лицо с узнаваемыми дредами с одинаковой периодичностью появляется на обложках

школьных дневников, тетрадок, пособиях «Как стать лидером» и так далее. «Отдельным шоком для меня стало то, что моего ребенка везде было много, слишком много», – признается Ира. Хотя понимает – бренды для того и создают, чтобы монетизировать.

Впрочем, лепить из Толмацкого-старшего совсем уж Карабаса-барабаса или рабовладельца не будем, не лучше и не хуже остальных. С коробками из-под ксерокса не попадался, в сообщениях о заказных устранениях борзых конкурентов и надоевших любовниц не фигурировал, миллионов в казино не спускал. Не пытался по пьяному делу отстрелять афроамериканского попсового исполнителя на вечерней Тверской, преследуя того от легендарного старого «Гаража» до приснопамятного Долгорукого. «Шоколадного зайца» угодило в тот непростой момент общаться с единственной красавицей-дочкой медиамагната, что и было отцом неверно истолковано. Даже личная охрана оказалась бессильна остановить охоту в центре столицы и разоружить своего работодателя. Да, успешный представитель шоу-бизнеса нулевых мог выглядеть и так. И если сравнивать подобных персонажей с попытками запихнуть сына в каждый уют...

Вероятно, как директор и продюсер, Александр Яковлевич вообще не так уж и был не прав. Но. Там, где есть необъяснимая всенародная любовь, довольно быстро появляется такая же мутная ни на чем не основанная ненависть. Противопоставление богатые – бедные, уличные – мажорные было

всегда. Слишком легкая карта, чтобы не разыграть.

Перед каждым концертом панк-группы «Король и шут» толпа скандирует: «Децл лох!» У Кирилла спросят на очередном телефире: «Как ты к этому относишься?» «Вы ошибаетесь, – расплывется в улыбке он. – На самом деле они кричат «Децл – бог!» Но переживает, это заметно. Сложно не переживать, если ты молод и не успел отрастить защитный панцирь.

Дальше больше. Хип-хоп – музыка чернокожих. Старый эфир вечного Малахова. Интересно, кем стали бритые мальчишки, пришедшие в студию оппонировать Децлу? Конечно же, они давно повзрослели, помудрели, перебесились и стали нормальными. Одни наверняка растят детей, вторые продают холодильники, а когда тоска по свободе и юности становится острой, включают в машине, приобретенной в кредит, некогда ненавистный хип-хоп.

Молодость безапелляционна, и тогда, уверенные в собственной правоте, они говорят что-то про штаны и предательство исконно русских традиций.

– Вот прямо все русские до седьмого колена? Не верю. Вы не уважаете людей, которые произвели вас на свет, – замечает Кирилл.

– А ты свою страну предал!

– Не образованность, некомпетентность, невоспитанность, дикость, – эта фраза юного парня с дредами навсегда войдет в телеисторию.

– Долго речь учил? – По залу прокатывает быдловатый подростковый гогот.

– Ребята, я считаю так: если мне не нравится музыка, я ее не слушаю, внимания не обращаю. Если мне не нравится человек, не буду с ним общаться, сильно не нравится – буду игнорировать. То, что вы делаете – это непонятная ненависть к непонятно чему. Это неправильно. Нужно быть немного добрее.

Легкое замешательство в бритых рядах. Недавно, кто-то из них повзрослевших написал под вырезкой из той телепередачи на Ютуб, мол, реально неудобно вышло. А в группе «Король и шут» никто так и не смог вспомнить, с чего вообще началась дурацкая кричалка. Тогда же на каждый концерт Децла подвозили грузовик бритоголовых мальчишек, скинхедов, как они называют себя по сей день. Я к тому, что опасность была вполне реальной.

Да, у энергии нет цвета, знака плюс или минус. Энергия сама по себе – штука сильная. Негативная всегда мощнее и объемнее, а предвзятое отношение добавляет мотивации, как ничто другое. С точки зрения промоутера – все отлично. А, если продюсер и отец – одно лицо? Да, тоже нормально. Главное, чтоб мама не узнала. Но тут уж старались все – до Иры подобная информация часто вообще не доходила. Газету с заметкой, озаглавленной как «Децл – сын антихриста» она, наверное, увидела в городе Москва последней. Подруга показала.

Занятно, но основным признаком демонической природы хип-хопа, автор посчитал объединение вокруг Децла молодых людей. Именно объединение.

«Я многое узнавала постфактум, потому что меня оберегали. – Спустя много лет расскажет Ира. – Плюс мы с сыном – неисправимые оптимисты. То я ему, то он мне повторяли одинаковую фразу: «Все будет хорошо, потому что у нас не может быть нехорошо». Ну вот что плохого в том, что объединились ребята, захотевшие, чтобы и их душа тоже пела?

Тогда она все-таки решилась на разговор с мужем, потому что записывать в антихристы можно, кого угодно, бумага стерпит, но есть вполне реальные религиозные фанатики. «Ты ничего не понимаешь в раскрутке! Любой пиар, даже отрицательный, нам на руку!» – Такое было объяснение. То же вроде бы ясно. Но где предел? А нет предела!

Одна за другой начинают появляться компьютерные игры – Decl's Killer. В одной геймерам предлагалось заняться отстрелом виртуального персонажа. Во второй – в фотоизображение Кирилла полагалось швырять дротики. В третьей – попасть по голове с дредами молотком. За каждое попадание начисляются очки. Уничтожил совсем – молодец, выиграл.

И снова вроде бы несерьезно – подумаешь, картинка на экране, игрушка, мелочь, ерунда. Нулевые-грозовые сделали кассу производителям компьютерных игр, подростки пропадают перед мониторами с тем же энтузиазмом, что лет пять назад в подворотнях. «Стрелялки» – это cool, а cool всегда

продается.

Ира так и не смогла до конца принять мир, в котором на продажу было решительно все. Закатила скандал грандиозный женский с криками и слезами. Муж согласился нанять сыну охрану и уничтожить излишне персонализированные компьютерные игралки-убивалки. Кирилл начинает появляться на людях в сопровождении двух приветливых амбалов. Decl's Killer в разных вариациях гуляет по всемирной Сети до сих пор и, наверное, находятся те, кому по душе эта винтажная забава.

Околоноля – и погода странная. Обычно долго не держится. Либо теплеет и переходит в плюс, либо улицы начинает заметать и спецвойска, как и их окрестили в последнее время из-за участия в оцеплении на уличных протестах, выходят по своему прямому назначению – чистить шоссе. Так и с людьми: околоноля проходит и надо определяться, с темными ты или со светлыми, белыми или красными.

Из обсуждения клипа Децла «Письмо» на MTV, 2001 год. Зрительница Тегануш Силакова, 14 лет, школьница: «Я ненавижу Децла. Его восхитительная... мордашка с непонятно откуда взявшимися дредами...»

Филипп Киркоров: «Ну мы же обсуждаем не певца, а песню».

Тегануш Силакова: «То, что у него на майке было написано «ноль» – он сам все доказал. Децл – полный ноль».

Наташа Сафонова, 14 лет, школьница: «Я хочу объяснить,

что значит «ноль» – это точка отсчета хип-хопа в России».

Все деньги мира

Между стадионом «Динамо» и Петровским парком в августе 2019-го ветер крутит по тротуару редкие желтые листья. Да, редкие, но все-таки желтые. Будто осень, будто октябрь. Климатическая аномалия, а не лето. Ира как школьница отворачивается к ресторанному окну и «в кулачок» затягивается айкосом. Постоянно обновляемым законодательством не приветствуется. А без затяжки сложно – разговор у нас нервный, тоже в своем роде аномальный:

– Я к смерти всегда относилась уважительно и осторожно. Даже убийства «понарошку» в игре не должны быть про реального человека! Сколько бы денег не принесли тебе сюжеты, программы. Медийные лица, конечно, использовать выгодно, но не везде нужно. Смерть – не тема для шуток, вот я о чем! Может быть, это мой личный больной пунктик. Кирилл только появился на свет, я тебе рассказывала, а врачи говорили – не жилец. Потом еще много всякого было. Назови совпадениями или как-то еще...

Однажды гуляли во дворе, играли в злобную ворону и маленького воробышка. Кирюшке лет пять было. Я раскидывала руки в стороны и нарочно скрипучим голосом пугала: «Поймаю тебя! Ведь я злобная ворона!» А он хохочет и пятится: «Не догонишь, ворона!» Вдруг замечаю, что позади него открытый канализационный люк, и движется спиной он

точно туда:

– Малыш, стой! Не шевелись!

Но сын, думая, что это лишь хитрая уловка вороны продолжает пятиться. До коллектора оставались считанные сантиметры, когда я в три прыжка очутилась рядом. Даже не подхватила его, подсекла так, что Кирилл полетел в пыль в сторону. Смотрит с непониманием и обидой:

– Мам, ты чего?

Отряхиваю ему штаны, а у самой руки трясутся. Когда заглянула в открытый люк, думала, сознание потеряю – на дне вертикалью торчат два жутких металлических штыря. Если б упал, попал бы четко на них.

Чуть менее страшно, но тоже неприятно, однажды на отдыхе случилось. В бассейн с Кириллом пошел Саша. Надел на ребенка надувной круг, довел до лесенки на горку и пошел себе плавать. А наш-то худой всегда был! Стал спускаться с горки и выскользнул из этого круга! Я только пришла и – как в замедленном кино: сначала летит в воду надувная фигня, следом мой не умеющий плавать сын. Кричу мужу, а тот плывет и с кем-то увлеченно общается, то есть вообще меня не слышит. Прыгнула в чем была – в тапках, очках и с сигаретой! Вытащила. Толмацкий вообще не понял, что произошло.

– Ребенок тонул! – Выхожу из себя я, – ты же должен за ним присматривать!

– Он вроде в круге был...

С одной стороны, у каждого найдется подобная история и не одна. С другой – всегда кажется, что так часто неприятности происходят исключительно с тобой. И все – это пресловутый случай, счастливый по сути, включая историю про злосчастные качели.

Всю жизнь я за сына боялась. Это правда. А как иначе? Появились машины с бритыми парнями, агрессия, которую никто и не думал скрывать, публичные выпады. Да и смерть, сама по себе, стала проходить слишком близко, задевала своими черными крыльями, дышала в затылок.

Первой из их тусовки умерла Марина Симановская, девочка, которая пела с Кириллом знаменитое «Письмо». «Помоги мне, помоги», – ее слова, отозвавшиеся эхом в сердцах миллионов подростков, до мурашек потом слышать было. Из-за сеансов химиотерапии прятала остатки волос под косыночкой. Ушла Марина 4 апреля 2002 года.

Стали возникать вопросы: что же там, за порогом жизни? И успокаивающие беседы о том, что ответ будет, но когда-нибудь потом в старости, не прокатывали – Марине было чуть больше двадцати. Тот год вообще выдался потусторонне страшным.

21 июля 2002 года не стало на этом свете красавицы Нади Жечковой, единственной дочери миллиардера и медиамагната, первого исполнителя песни «Как упоительны в России вечера». Володя пел этот хит в ресторане «Феллини» на дне рождения Ани Лисовской как серенаду. Надину жизнь унес-

ла автомобильная авария. Ей было семнадцать. Газеты писали «мажорка», а Вова, кажется, и не жил потом.

О смерти, о том, как хрупка человеческая жизнь, в нашем окружении думали, кажется, уже все. Ты можешь многого достичь, совершить революцию, разбогатеть в конце концов. Но даже все деньги мира не смогут спасти самое любимое на свете существо, уберечь от трагической случайности. Как бы не менялась страна и люди, в ней живущие, жизнь и любовь в свободной продаже по-прежнему отсутствовали.

Да, я боялась за сына. До самого последнего времени он знал: если звонит мама, ответить надо – взять трубку, кинуть сообщение в мессенджер «я ок», просто кратко сказать своим голосом: «Привет! Перезвоню». Журил меня:

– Ну пять неотвеченных... Зачем так волноваться? Я работал на мероприятии и сразу же тебе перезвонил.

– Находи пожалуйста секундочку дать мне знать, что все в порядке.

– Мам, я публичный человек, пора привыкнуть. Если со мной что-то случится, ты узнаешь об этом первой.

Последняя фраза Кириллы до сих пор звенит у меня в ушах. Господи, как же я не хотела этой публичности! На днях поехала на Пятницкое кладбище, я туда только под таблетками могу и езжу нечасто. Покупаю в киоске цветы, подходит женщина. Узнала меня, поздоровалась. Она с десятилетней дочкой приехала к Кириллу из Сургута.

– Ваш сын перевернул мою жизнь, – говорит, – во многом

я стала разбираться только благодаря его творчеству.

Обе, и мать, и дочь, много плакали. А я думала об одном – как больше всего на свете я не хотела ему судьбы поэта, публичной личности, выразителя бед и надежд несчастной нашей родины. Был ли у Кирилла выбор? Или карма – такая штука, которую можно только принять?

Братьям пора бы проснуться, раскрыть пошире глаза
Рэп-музыка как искусство, долой дешевый базар
Цель – пробудить в людях чувства, разжечь огонь в их сердцах

Дав им надежду на завтра подсказками на битах.

«Подсказки на битах» Detsl aka Le Truk, 2018г.

Другая жизнь

С нулевых пошла мода на то, что называется прокисшим лет сто назад словом «мезальянс». Волна разводов выкидывала на обочину жизни жен старых, тех, с кем был пройден крым-рым и медные трубы 90-х, и давала звездный шанс женам юным, только шагнувшим за порог института, а то и школы. Браки с дочками-внучками по возрасту неумолимо поднимались в тренды. Ира считает, Толмацкий просто не мог отстать от этой моды, равно как и от любой другой. Александр Яковлевич в интервью рассказывает о неудовлетворенности отношениями, в которых супруга за долгие годы совместной жизни превратилась в близкого родственника. Есть и третья вполне реалистичная версия: ни один муж или жена не застрахованы от того, чтобы, влюбившись, решиться повернуть жизнь градусов на сто восемьдесят. Брачное се ля ви.

Как бы то ни было, а осенью 2004-го Ира услышала фразу, которая спустя несколько лет станет крылатой в государственном масштабе: «Наш брак завершен». Вот так: будто бы на пустом месте. Без прелюдий ежедневных обид и скандалов. Момент истины случился накануне ее дня рождения, что оглушающий эффект только усугубило. Ире и в голову не приходило, что муж довольно долго живет двойной жизнью. Вероятно, шок стал причиной молниеносного проща-

ния – услышав про новую любовь, она просто собрала мужу чемодан.

Спустя некоторое время он даже поинтересовался с легкой обидой:

– Почему ты за меня не боролась? Не держала за яйца как любая нормальная баба!?

– Ну ты так быстро стартанул, что, мог бы и пострадать, как лошадь Долгорукого однажды, – пошутила она.

Пошло вато, конечно, но из песни слов не выкинешь, да и сама песня не сильно хороша. Так уж Ира ее запомнила.

Вопреки многочисленным последующим публикациям, никакой острой реакции не случилось и со стороны Кирилла. Он-то в отличие от матери был в курсе многого. Наверное, его чувство можно назвать изумлением. Ведь именно отец привил ему некий ценз, формат женщины-спутницы. И тот был убежден, что таких жен, как его мать, не бросают, а на таких, как ее соперница, не женятся.

Ира не любит вспоминать развод и особенно все последующие материальные «терки». Да, квартира на Долгоруковской была просторна и прекрасна. Сколько-то после развода она там еще пожила, Кирилл на тот момент уже был не один (об этом чуть позже) и вполне самостоятелен – обитал по большей части на съемных. Когда на «долгоруковские» хоромы нашелся покупатель, Ира съехала к родителям в Коньково.

Сейчас она вообще не понимает, как вполне житейская

ситуация смогла в итоге закрутиться в такой узел:

– Есть такая порода людей, которым важно с кем они рядом, а не где. Мне было хорошо и в Амбулаторных, главное, что Кирилл тут же, что мы друг у друга были. С мамой и папой в Коньково – тоже прекрасно, родные люди. Потом, конечно, после всех мыслимых разделов-разменов, купили и мне, и сыну жилплощадь. В общем, из-за чего-чего, а из-за квартирного вопроса никакой печали не было. Материальное тогда лично у меня отошло вообще на десятый план – не до этого было. Тем более, взрослый сын успокаивал: «Гастролей много, я востребован, проживем, мам!»

Но все оказалось не так просто. Предложения работы, как только Кирилл отказался от сотрудничества с отцом, стали редеть с пугающей быстротой. Сейчас Саша почему-то полагает, что сын обиделся за меня и иных причин прекратить общение с ним не было. Но там много всего завертелось – права на творчество, использование псевдонима, музыкальная студия и так далее. Зная Толмацкого, мы с сыном были склонны думать, что из многих тогдашних деловых неприятностей Кирилла торчали именно его развесистые уши: не со мной – значит, ни с кем. Тут Саша не соригинальничал: поступил уж точно не как отец с сыном, а как продюсер с вырвавшимся из-под контроля артистом. Можно бесконечно спорить, кто важнее в едином проекте... Знал ли бы кто-то продюсера Толмацкого, не будь Децла? И стал бы этим самым Децлом Кирилл без продюсирования отца? Вечные

вопросы о первичности яйца и курицы.

Не знаю, можно ли бесконфликтно разойтись в стороны в подобных обстоятельствах, но Саша этим способом так и не овладел – факт. На прощание нам с сыном пообещали классическое: «Вы ко мне еще приползете! Еще попросите!». Продюсерская риторика, которая больше не работала. Самая «функциональная» модель наших человеческих взаимоотношений и вечных компромиссов рухнула вместе с семьей. Рассыпалась как легкая лодочка, налетевшая на острые рифы, в щепочки. Никто больше не хотел говорить: «Брейк!». Не осталось ничего связующего.

Вторая ошибочка заключалась в том, что никогда у Саши не получилось запихнуть сына в рамки без ущерба для себя. Еще факт, который он так и не смог принять. Кирюшу нам все-таки не подкинули, а кровь, как известно, не вода. Несмотря на то, что во многом он был полным антиподом своего отца, общего тоже хватало. А равноценность противников, как известно, сулит затяжные истории. У них даже голоса одинаковые! По телефону, когда еще не было определителей, до первого приветствия «мам» или «Ир» я вообще не понимала кто звонит.

Иногда ловлю себя на мысли, что сейчас разговариваю с Александром Яковлевичем только для того, чтобы слышать этот голос.

На самом деле после всех бед, которые на нас свалились, и периода молчания, я с Сашей общаться начала гораздо рань-

ше, чем наш сын. Развод – не крушение мира. Толмацкий нашел идеальную для себя пару, женщину, по моему мнению, чрезвычайно на него похожую, с которой счастлив, но отцом Кирилла от этого быть не перестал.

Да, он непростой человек, но родной же! Переживала, что у Киры не очень складывается с реализацией творческих проектов, рычала на бывшего мужа:

– Ты притащил его в свой гребаный шоу-бизнес, ты втянул, значит должен вести и дальше!

– Как я могу, если он отказывается? – Заводился в ответ Саша.

Уговаривала сына встретиться и поговорить с ним: столько времени прошло, может отец изменился? Несколько раз они виделись, но договориться не смогли. «Ни фига он не изменился», – резюмировал эти встречи Кирилл.

Про яблоки и яблони

– Нарушу хронологию, чтобы было понятно, почему, сложилось, как сложилось. Много думала на эту тему. И пришла к выводу: если два состоявшихся мужчины (а у Кирилла к тому времени уже родился Тони) набирают и держат между собой дистанцию, повлиять на их выбор нельзя. И никакие родственные связи, увы, тут не включишь. Тем более, у каждого в голове своя модель семьи.

Никогда Маира Яковлевна Толмацкая не рассказывала о Сашинем отце, о ситуации, почему она растила сына в одиночку. Расспрашивать я, конечно, не решалась, да и повода как-то не было. За двадцать лет семейной жизни мы сего достойного гражданина никогда не видели и ничего о нем не слышали. С Маирой Яковлевной поддерживали самые добрые отношения и после развода, она была удивительной женщиной, всегда обожавшей Кирилла. Сын ездил к ней показать внука, навестить, я иногда заезжала помочь и поговорить по душам. Но дверь в ее личную историю так и осталась плотно закрытой.

С Мартой, моим мопсом, я обычно гуляю в Петровском парке. Собачники – народ общительный, и с владельцами корги, которая часто оказывалась на прогулке вместе с нами, я здоровалась, знала их по именам. Однажды пошли проветрить Марту вместе с внуком. И на площадке снова ока-

залась та корги. Хозяева ее тоже были с детьми. Погода прекрасная. Ребята наши перезнакомились и вместе побежали на площадку к качелям. В процессе выяснили, что у Тони – Ира Толмацкая, то есть я, – бабушка, а мама нового друга – Аня, ранее тоже была Толмацкой. Я этого не знала.

– Наверное, Александр ваш бывший муж? – Спросила меня Анна.

– Ну да.

– А мы его родственники – я дочь брата Александра Яковлевича по отцу.

Конечно, мне и в голову не могло прийти, что все эти годы дед Кирилл жил буквально в соседнем квартале! Ни разу он не попытался найти с нами контакт, хотя бы из любопытства. Неужели не интересно увидеть внука или пообщаться с сыном, между прочим, успешным человеком? Никогда не могла понять такого! Анна рассказала мне, что Яков Толмацкий был артистом, талантливо исполнял степ, в один из следующих дней даже показала газетную публикацию о его творчестве. В живых деда на тот момент уже не было, но остались братья, сестры – тот, слава богу, успел жениться четырежды. И по странной иронии судьбы все мы собрались в одном районе. Когда вечером Кирилл приехал за Тони, рассказала ему об очередном удивительном совпадении:

– Мой внук нашел твоего деда.

Сын улыбнулся, мол, прикольно. И на этом все. Подобное положение дел кажется непостижимым: меня родители вос-

питали так, что в семье все друг за друга горой! Близкие же люди. Моего отца Кирилл называл идеалом мужчины, примером, на который хочется равняться. Даже когда папы не стало, и сын ездил на кладбище прибраться, цветы посадить, утверждал, что чувствует присутствие деда. Поэтому, закончив дела, всегда садился на скамейку возле могилы и говорил точно как при его жизни: «Ну что, дед, перекурим?»

По линии Толмацких все устроено иначе. Не только ведь танцор не искал контактов с семьей сына, Саша тоже как-то не сильно страдал по этому поводу. Ну или не показывал.

Была у Кирюши еще одна черта – никогда не обострял конфликты, предпочитая отойти в сторону. И ведь он с детства такой! Помню, однажды поссорился с учительницей математики. Мне позвонила завуч школы: оказалось, Кирилл уже полгода не посещает уроки определенного преподавателя – или уходит болтаться по улицам, или отсиживается в туалете. С точными науками у сына проблем никогда не было и вдруг такая засада! Завуч потребовала разобраться в ситуации, иначе итоговая «тройка» нам обеспечена. Пришел домой, спрашиваю, в чем дело?

– Она меня оскорбила.

– Бог с ней с тройкой, но знаний не будет! Столько пропустил!

– Не будет именно тройки, – сказал он и за две ночи мы проштудировали полугодичный курс математики так, что итоговую работу сын написал блестяще.

Вроде бы объяснила, как вышло так, что Толмацкие, однажды разойдясь в стороны, долгие годы удерживали набранную дистанцию. К моему сожалению, кстати.

– *Слушаю сейчас «Фибоначчи», на мой взгляд, одну из сильнейших вещей Кирилла. Будто и не рэп даже, а главное, так все перемешалось – математика, Бог, любовь. Как появилась Юля?*

– Хороший вопрос. Порой, кажется, Юля пришла из ниоткуда и ушла в никуда. Я не очень имею право о ней говорить, да и вряд ли ей это понравится. У нас разные весовые категории были всегда, но она этого не понимала. И в то же время, когда читаю разные предположения вроде – Юля позарилась на шикарный пентхаус, захомутала, они вот-вот должны были разбежаться, хочется возразить. Все это, наверное, возможно, но давайте будем честными: Кирилл – на редкость постоянный человек. Юлю он любил. Как встретил пятнадцать лет назад, так и оставался рядом.

Да, у них был итальянский вариант семьи – ссорились, мирились. Ревновала Юлька сильно, что всегда казалось странным. Обычно, красавицы этим недугом не страдают. Вокруг артиста ведь всегда народ. Признание – это важно. Как по-другому? И главное, зачем лишать его того, что дает новую энергию, мотивацию, приносит идеи? Но девочки-поклонницы ее раздражали, девочки-единомышленницы вообще бесили. А ревновать к матери, на мой взгляд, совсем уж смешно, в смысле неумно.

Люди в ссоре, бывает, не сдерживаются, могут допустить резкое слово, обозваться гадом там, козлом даже. Кирилла в запале выяснения отношений обычно ругали маменькиным сынком. Безусловно, в моем доме Кира всегда был желанным гостем, часто обсуждали с ним что-то, беседовали по душам. Но разве это плохо?

Случалось, в интервью говорил, что я его настоящий друг. Надеюсь, так и было. И если подбирать слово, чаще ощущала себя его соучастницей, а не опекуном. Маменькин, как и папенькин сынок – это вообще не про Кирилла. Нужны были карманные деньги, подростком мыл машины, продавал книжки, но не просил. Рано выразил желание жить отдельно. Когда влюбился. Это отдельная история.

Он хотел жить с девушкой, папа наш был резко против, я, как всегда, в нейтралитете. Редко кому достается счастливая первая любовь. Ну, конечно же, она его разлюбила или, может быть, никогда не любила и все вышло, как предсказывал великий оракул Александр Толмацкий. Но Кирилл предпочел свободу выбора и право набить свои собственные шишки. Именно в съемной квартире, где он остался с разбитым сердцем один, сын однажды познакомился с Юлей.

Все просто. У него вечно собирался народ, она пришла на очередную тусу за компанию с подружкой. Кириллу на следующий день нужно было уезжать на гастроли и он предложил: «Можешь остаться. Передумаешь, тогда оставь ключи и уходи». Когда вернулся, Юля была там. Так и осталась. Во

всяком случае так мне рассказывал сын.

Наша с ней первая встреча случилась в приснопамятных хорах на Долгоруковской. Я тогда находилась в состоянии коматоза из-за предстоящего развода, никак не могла собрать себя в кучу, но сын привел девушку, надо знакомиться. Хорошенькая, глазки умненькие. Девочка как девочка.

Позже никто не делал отдельных сообщений, мол, будет ребенок, ты станешь бабушкой и все такое. Однажды я просто обратила внимание на то, что плохое самочувствие барышни очень похоже на токсикоз, и сказала Кириллу:

– Вы думайте, конечно, сейчас у нас непростые времена.

– Мы уже подумали, мам. Будем рожать.

Ребята очень хотели избежать публичности, всяких незапланированных фотосъемок на выписке из роддома и тому подобного. Кирюша к тому времени внимания извне порядком наелся, носом уже шло, и хотел вполне понятного спокойствия. Для появления Тони на свет они выбрали Питер. Прекрасный город, к которому сын всегда относился с особенной теплотой. И они уехали. Знаю, что Кирилл сам принимал роды и был первым, кто взял Антония на руки.

Вернулись, когда внуку исполнилось месяца четыре. Притащили с собой двух лысых кошек, которые почему-то все время орали. Тони возили показывать деду, Александру Яковлевичу то есть, и бабушке Маире. Мы, моя семья, в специальных показах не нуждались – и так были под рукой. Отец из Кирилла получился великолепный! Думаю, Тони

стал самой большой его любовью. «Ну посмотрите же, какой он красавчик!» – Постоянно хвалился сын.

Несмотря на собственный юный возраст (хотя мое поколение с продолжением рода тоже затягивало редко) с удовольствием занимался малышом – гулял с ним, кормил, менял памперсы. У Кирилла все это получалось легко и с удовольствием. От природы отец, хотя не знаю, можно ли так сказать. То есть ему по умолчанию было дано то, что раздают не всем. Когда я, нужно было в женскую консультацию, оставила крошечного Кирюшку на мужа, дома потом обнаружила настоящий разгром. Ребенок орал, запахи стояли такие, что уже на лестничной площадке можно было в обморок упасть, Саша скрывался в туалете, где уделал рвотой все, до чего достал. Оказалось, он решил сменить сыну пеленки.

– Зачем ты его вообще трогал!?! – Ворчала я. – Мне теперь весь дом отмывать!

Ну да ладно, Меркурию Антонию Иоанну с отцом повезло больше.

– А имя в семье как-то обсуждалось?

– Нет, это Юлина инициатива. Что-то вычисляла по дате рождения, звездам, они оба увлекались малопонятной для меня эзотерической фигней. Но сын их, назвали как хотели. Почему нет?

– Я еще и Меркурий! – Время от времени напоминал мне Тони.

– Да что вы говорите, молодой человек! А я просто Ирина.

Единственное, чего никак не могла взять в толк, почему у ребенка в документах вместо данных отца стоит прочерк? Это что проблема оформить все, как полагается у нормальных людей? Не думаю, что под маминой фамилией и без, скажем так, официального отца парню проще жить.

Здесь надо объяснить, что никогда я не стремилась докопаться до «ядра земли», совать нос не в свои дела. Вот эти днк-тесты всякие, кровь и слюни... Кому это нужно? Миллион примеров, когда безо всякого родства люди становятся самыми близкими и любят друг друга так, что иным и не снилось. А сколько прямо противоположного, когда генетические родственники вообще не могут найти общего языка? Нам ли об этом вообще говорить... Тони – наш мальчик и точка. Сын Кирилла и мой внук. Остальное меня никогда не волновало.

Воспитывали ребята его действительно сами, жили на съемной квартире отдельно. Тони начал часто бывать у меня лет с трех, когда переехала к Петровскому парку. Авторучкой на стене отмечала его рост, точно так же, как когда-то Кирюшин. Рабочие, делавшие косметический ремонт, не заметили и едва не стерли мне всю историю. Не знаю, как не убила их тогда! Сейчас шкала роста целехонькая, последняя отметка на ней датируется 2019-м. Надеюсь, это временная в нашем общении с внуком пауза.

– Юля всегда была женщиной с налетом мистических странностей?

– Расскажу одну историю. Она умеет гадать. Честно говоря, никогда всерьез не относилась ни к ее гаданиям, ни к ее проклятиям. Чего в сердцах да для налета мистической дурри не ляпнешь? Однако одно предсказание запомнила. Она сказала, что Кирилл бросит ее в тридцать пять лет так же, как меня муж бросил – да, так и сказала, ударить побольнее всегда умела. А у Тони в тринадцать-четырнадцать лет будет большая трагедия, смерть. Я вспылила: ну как можно шутить с такими вещами, говорить об этом? Но самое жуткое: она ведь оказалась права. Кирюха действительно ее бросил, только не тем способом, о котором все подумали. Очень переплелось все, перепуталось.

«Фибоначчи» он написал за пару лет до того, как разместил клип на своем канале в Ютуб. Была иная версия звучания, но стихи те же. Включал мне послушать. Конечно, спросила:

– Сын, а что за сука, которая плачет? Про что песня-то?

Уклончиво ответил, мол, это про взаимоотношения между людьми и Землей, о смысле любых отношений мужчины и женщины, то есть вообще.

Считается, через числовой ряд Фибоначчи проявляет себя Бог, он везде и во всем, потому оно бесконечно, и Его имя невозможно произнести. Интересно, в каком качестве Бог присутствует, например, в семейных скандалах, но слова в Кирюхиной песне правильные – подумай прежде, чем удалить. Бог системен и стабилен, средневековый математик

Леонардо все понял правильно.

Предпоследний рыцарь

Detsl aka Le Truk – Fibonacci (Official video)

Почему предпоследний? Потому что последний – совсем уж грустно. А в том, что речь пойдет о рыцаре, даже не сомневайтесь.

Кнара Завацкая, R’n’Впевица, несколько лет работала на Александра Толмацкого вместе с Децлом, Батиштой и остальными и продолжила сотрудничать уже с Ли Трюком в качестве back MC и автора композиций. Но главное, они с Кириллом по-настоящему дружили, поэтому Кнара в курсе многих вещей, о которых маме лучше бы не знать, и Ире, конечно, не говорили.

Кнара:

– Команда, состоящая из девяти Раков по гороскопу – впечатлительных, обидчивых, легко закрывающихся в себе, – наверное, порядком попортила крови продюсеру. Это были мы. Девять хронических страдальцев. Впрочем, при всей нашей коллективной схожести Кира был особенным.

Мы ровесники, я чуть старше даже, но всегда казалось, что наоборот и разница не в пару лет, а раза в два. Когда нам было по двадцать и когда по тридцать, стоя рядом с ним, одинаково чувствовала себя маленькой девочкой! Все думала: как же мне научиться так рассуждать? Настолько Кира казался энергетически монументальным и мудрым – часто озвучивал мысли, молодым людям не присущие от слова «вообще». Будто говорит человек с опытом, четко понима-

ющий, чего в текущий момент хочет. Тогда думала – это у него от сытости во всех смыслах: поездил по миру, учился за границей, рос в обеспеченной семье.

Самый простой пример: артистов перед концертом или на гастролях кормят обедами. Ребята заказывали чуть ли не по четырнадцать блюд – интересно же попробовать разное! И вот по очереди излагают свои обширные меню, радуются, что сейчас тааакую поляну накроют, а Кирилл говорит: «Мне блины, пожалуйста. Два». И немая сцена.

Когда человек развился, сбалансировал себя, он уже не ведется на все подряд. И на любой, даже самой безумной поляне съест свои два блина. Точно так же и в работе. Кира искренне не понимал, почему многие гонятся за любым заработком.

– Вот скажи мне, зачем они вписались в это г...? – спрашивал он в почти философских разговорах. – Из-за денег?

Большая часть молодых рэперов не имела ни его опыта, ни его взглядов. Нигде не были, ничего толком не видели! Куда ни позовут, сколько ни заплатят – все хорошо! Казалось, если дают, – надо брать! Конечно, все знали, как правильно, прилично, рационально и так далее, но в юности мало кто сопоставляет правила со своей реальной жизнью.

Однажды мы с Кириллом почти разом влипли в сходные непростые ситуации, и он первым кинулся мне на помощь. Включился, хотя вокруг него самого разворачивался просто адский трэш. То есть рыцарство его не было книжным, по-

казным, шло от души.

История банальная: я забеременела и осталась одна. У родителей понимания, мягко говоря, не нашла. Им я виделась студенткой юридического университета, а не матерью сопливой. Мне вполне могли отказать от дома, настолько силен был их гнев. В общем, тяжелое выдалось время. Кирюше хватило одного взгляда на мое пришибленное лицо, чтобы начать опекать:

– Спокуха, мы все разурим.

Я родила девочку, Мишель. Кирилл стал ее крестным. Она такая же особенная, как и он. И судьба у нее особенная, и прекрасно понимаешь, почему все так, а не иначе. У Кирюши тогда на руках был крошечный сын. Не могу достоверно знать, почему обязанности матери пришлось выполнять моему другу. Предположу, что та, на ком они лежали, отказалась.

И он кинулся растить! Как любящий отец, рыцарь, прекрасный и добрый человек. Давалось все непросто: не было денег на молочные смеси, не хватало на памперсы, Кира ничего не успевал. Помню его с совершенно ошалевшими, красными от недосыпа глазами, перевозной сумкой и беби на руках.

Из личного архива И.Толмацкой.

Конфликт с отцом уже имел место быть. Думаю, вся ситуация с разводом родителей для Кирюхи имела какое-то тысячное ускорение. Конечно, он рассчитывал на Александра Яковлевича и никак не предполагал, что в планах того – другие дети и совершенно иные заботы. Остальное накрылось уже как снежный ком. Представьте: у тебя «терки» за музыкальную студию, проблемы с гастрольями, вся твоя жизнь рухнула и... младенец на руках, который орет, хочет кушать, приболел и вообще творит все, что младенцам положено. Когда мы, молодые родители, пересекались в городе, вопрос: «Блин, а что теперь делать-то?» – автоматически возникал в воздухе.

Технически он не мог стать мне рукой помощи – у самого было сильно весело, но поддержку и то, что Кирилл на моей стороне, я чувствовала всегда. Он умел дать это понять, а перед одинаковыми проблемами мы и вовсе превратились в закадычных братьев.

Эго мое было разбито совершенно. Чтобы как-то жить, побежала работать, расти и преодолевать в другое место. Оставила музыку, занялась менеджментом в бьютииндустрии и достаточно быстро решила свои финансовые проблемы.

У Кирилла же шанса на обычную жизнь вообще не было. После бешеной популярности, которая сопровождала его первые пластинки, люди стягивались к нему, как вокруг обезьянки для пляжных фото. Постоянно кто-то подходил с

просьбами от сфотографироваться до поговорить. Потрогать дреды – вообще самое главное в жизни занятие: «Они как косички? А как ты их моешь? Что они означают? А голова не болит?»»

Выпрыгнуть из этого экшена ой как непросто. По какой-то неясной причине никого не останавливает даже автолюлька со спящим младенцем в руках. По сути, ты не можешь ни трусы себе спокойно купить, ни тарелку супа в кафе съесть, не сообщив общественности, как ты моешь голову. Ни о какой приватности и уважении твоего пространства даже речи не идет. И конечно, всем глубоко наплевать, спал ли ты сегодня.

Повинуясь сложившемуся на твой счет общественному мнению, трудно решиться показать себя настоящего, признаться, что в реальности все не так глянцево, дорого и легко. Да что там публика – родным, бывает, открыться не можешь!

Однажды после домашнего скандала Кирилл с крошечным Тони примчался к отцу в клуб «Инфинити». К тому, с кем находился в ссоре, приехал. То есть размах ЧП и отчаяние человека, которому некуда бежать, вполне очевидны – это SOS! Два дня Кира с младенцем жили в кабинете Толмацкогостаршего. Наверное, тогда все могло бы пойти иначе. Достаточно было честно рассказать, признаться отцу, что влип, попросить поддержки. Уверена, Александр Яковлевич понял бы! Но снова возникло: я сам по себе, я успешен, все

решу. Возможно потому, что шага навстречу не было.

Конечно, если долгое время обкладывать сына сплошными запретами, он закономерно начнет войну с тобой через свой выбор. Не нравится девушка? Прекрасно! Значит, она будет рядом. Ты против моего ухода в тень? Окей, значит, найду себе самую глубокую и черную нору.

Какая уж тут музыка? Но он пытался вместить в этот дурдом и ее! По-другому просто не мог, таким был его способ жить. Конечно, усталость накопилась колоссальная. Несколько раз Кирилл засыпал за рулем. Он прекрасно водил, однако аварии стали его преследовать. После того как половину мазды убило трамваем, долго вообще не садился за руль. Перемещался на такси, пешком, гироскутер, помню, был какой-то. Потом стал водить, но дозированно – по городу.

Несколько лет назад Кирилл привез моей дочери и своей крестнице из Испании необычный подарок – вещь старинную, заметно потертую временем. Это отрывки из Евангелия на испанском языке, на пергаменте в раковине. Берешь в руки и сразу чувствуешь мощнейшую энергию, понимаешь, насколько огромен духовный смысл подарка. И выбрать, отыскать такой мог разве что Кирилл Толмацкий. В этом был весь он. Человек с чрезвычайно тонкими чувствами и вибрациями – такие и становятся символами поколений. Кира смог отказать себе в малом, но двигал большое ради получения глубокого.

Я совершенно не согласна с мнением, что он себя закопал, превратился в эдакого заброшенного ребенка шоубизнеса. Кирилл искал гармонию между тем, чего ждал от него потребитель, и тем, что чувствовал он сам. Кстати, он ее нашел.

Первый продукт Толмацкие выпустили массовый. Уровень мировой, до такого результата сложно дотянуться, даже если он и твой собственный. Высоко и мощно начал в определенном сегменте. Потом началась неизбежная работа на качество и усложнение материала – ты же растешь, развиваешься. И вот показываешь новую вещь очередному музредктору, а дальше начинается то, что обычно происходит с концептуальной музыкой: «О, класс! Я с удовольствием буду слушать это в машине, но на канал не поставлю, мы это не продадим».

Почти у всех, кто не ставил его на радио, не звал на телеканалы, в машинах играли те же самые треки! Просто эти продвинутые люди были убеждены: Децл – больше не массовый продукт. Он и сам к продвижению относился очень лично. То, что любишь, держишь в сердце, сложно продать – ты не можешь посмотреть на это как на товар.

Прошло десять лет, Кирилл выпустил пять собственных альбомов. Да, сначала потребителей было человек двести, потом восемьсот, он снова начал заполнять залы. Увы, только в последние годы и сам понял, что его музыка – это не товар из супермаркета, так просто не пойдет. Нужны марке-

тинг, обертка и прочее. Бывает, слушаешь что-то из любопытства, а потом оказывается – именно этого и не хватало!

Сейчас мы выросли, многие чего-то достигли, и нас волнуют другие темы: вот я шелшел, пер как танк, дошел и теперь хочу понять, а зачем, собственно, я сюда так хотел? Кто я в мире? Что мне по-настоящему дорого?

Последняя пластинка «Не важно, кто там у руля» потрясающая, круче я пока не слышала ничего. На Ютуб есть подборка, где ее слушают звезды мирового хипхопа. Все в один голос говорят: это из ряда вон. Чувствуют, что и чувак читает особенный, и текста, как у нас говорят, исключительные. Абсолютно убеждена: эта музыка еще возьмет свое, а последняя пластинка преподнесет немало сюрпризов.

Сколько сказанных слов, сколько пролитых слез?

Сколько выпито вина, сколько пройдено верст?

Сколько судеб пересеклось на дороге жизни,

На пути познания себя в поисках своего я?

Где каждый шаг состоит из испытания на прочность.

Порочные поступки кажутся невинными.

Оплошность может привести к фатальному исходу.

Остаются единицы, которым веришь сходу.

«Личность» Detsl aka Le Truk, 2004 г.

Дециллион: Децл ли он?

– Много лет подряд Саша лелеет миф о якобы комплексе маленького роста у Кирюши: мол, поэтому он так торопился расстаться с псевдонимом Децл. Не думаю. Скорее всего, мой бывший муж проецирует на историю сына собственную, вероятно, очень чувствительную. Вряд ли парень, подверженный подобным переживаниям, станет называть себя дрыщом или подшучивать по теме.

Однажды Кирилл показал видео, от которого я покатывалась со смеху. В фойе перед каким-то фестивалем или премьерой к сыну подошел здоровенный почти двухметровый мужик. Хотел поздороваться, пожать руку. Так вот мужчина говорит:

– Добрый вечер Кирилл, так здорово с вами встретиться, я же вырос на ваших песнях!

– А я из-за вас не вырос! – Отвечает ему мой, намекая на гастрольное питание «дошираком».

Ну какие могут комплексы у человека, способного так шутить? Когда он поменял джип на «Мини-купер», ребята юморили – наконец автомобиль соответствует размеру водителя. Машинку живо окрестили Децломобилем. Я к тому, что попытка отойти от псевдонима Децл, точно никак не связана с его ростом.

– Хотел дистанцироваться от ярлыка мажор, продюсерского проекта и образа рэпующего золотого мальчика, прочно ассоциирующегося со словом Децл?

– Ну да. Появился Ли Трюк и вместе с ним другое я. На

определенном этапе Кирилл увлекся изучением прошлого, философских составляющих жизни, а тема имени во многих культурах считается важной. Вроде как имя – почти судьба. Рассказывал, издревле люди брали псевдонимы, чтобы запутать нагов (злых духов) и полагали, что каждое новое твое имя – это отдельный ты. Так к Децу и Ли Трюку добавился Джузеппе Жёстко. Не знаю, от каких нагов спасался Кирилл... Но он точно верил в определенный энергетический потенциал каждого из своих имен.

Децл, Ли Трюк, Джузеппе – все они его альтер-эго и очень разные. Джузеппе Жёстко – вообще персонаж отдельный, всякие шуточки себе позволяет, отличается прямоотой суждений. Может врезать правду-матку промеж глаз. Ли Трюк читает философский рэп, размышляющий, а Децл – это детство с вечеринками, улицей, скинхедами. Поиски ответа на самый главный человеческий вопрос: «Так кто же я?» – в разные годы приводили сына в очень неожиданные места и сферы. Он много ездил, видел. Что-то привлекало у ямайских шаманов, что-то – у японских самураев.

Оказалось, рэп бывает не только про то, как кайфово оттянуться, он еще и про права человека, смысл жизни, справедливость. Кто-то согласился с ним и остался, другие отошли в сторону – и это тоже нормально. Музыка не должна деморализовывать, считал сын. Упрощение рэпа, когда рифмуют любовь-морковь-кровь-вновь отупляет новое поколение, ведь хип-хоп – прежде всего культура молодых людей.

Считал, делается это намеренно, недалеких людей ведь легче контролировать. Почему-то в это верится... А поскольку именно он поднял эту волну, чувствовал свою ответственность и за новые поколения молодых тоже.

– *«Бог есть» из третьего же альбома? Серьезный контраст с предыдущей работой – негласным гимном золотой молодежи «Потабачим». Кирилл начинает показывать настоящее лицо, человека взрослеющего, думающего, снявшего маску обеспеченного юного раздолбая. Кстати, будто уже порядком разочарованного.*

– Во втором альбоме «Уличный боец», который Кирилл выпускал еще с Сашей, уже много его собственных песен. Он пробует, щупает свой формат. Поднимает непростую тему межнациональных отношений. Тогда с этим было непросто, но кто ж мог подумать, что можно еще хуже?

И снова успешные продажи, престижные премии, включая «ЮНЕСКО», успех. Не могу сказать, что сын поймал звезду, сидя на соседних рядах с Ленни Кравицем и Джей Ло в легендарном Нью-Йоркском зале на «MTV Video Music Awards». Ничего похожего на болезненную веру в бесспорное признание не было и потом. Все тот же упорный поиск себя, своей темы, собственной музыки.

Действительно взрослел, обретал опыт. Надо ведь и по собственному лбу получить ручкой грабель, не все про чужую боль слагать... Плюс наш с Сашей развод сильно пошатнул веру сына в вечные ценности.

Неудачное сотрудничество с лейблом Universal Music Group крепко вдарило по самолюбию и кошельку, они трудно разрывали контракт. Воротилы говорили, альбом «ака Ли Трюк» плохо продавался, не компенсировал затрат на производство. Сын полагал, что его вообще надули, потому что считали только Москву и Питер, а он всегда лучше реализовывался на периферии. Почти четыре следующих года Кирилл не записывал новых вещей. Но он наблюдательный, много смотрел, анализировал, думал.

Решение показать себя настоящего, не отполированного редакторами глянцевого журналов и тщательно спродюсированного отцом, привело его в андеграунд. Говорить об этом, как о бегстве, – значительно все упростить. А Кирюша был каким угодно, но не поверхностным человеком. Кстати, ребята-поклонники (сам он этого определения никогда не любил) легко разделяли на концерте, какие композиции принадлежат Децлу, а какие исполняет Le Truk.

– До сих пор представители шоу-бизнеса его уход в андеграунд преподносят как творческое самоубийство. Отказ от многотысячной публики стадионов, медиаресурса, гонораров, в конце концов, понять сложно.

– А мне кажется, это было настоящим рождением. Тут-то ведь и началось все самое интересное! Знаешь, во что он любил играть маленьким? Стол или два поставленных рядом стула накрывались пледом или покрывалом и превращались в домик. А если с собой еще и фонарик захватить – почти

шалаш где-то в глухом лесу или на таинственном острове. Вот говорят, потерял стадионы. А любил ли Кирилл стадионы? Чувствовал ли себя там в своей тарелке? Вопрос.

Кому придет в голову, что мейнстрим может остохренеть до крайности? Люди – такие люди! Мерим по себе. Но его жизнь и выбор нужно мерить по нему! Кирилла даже называли единственным монахом от рэпа, который спустился с вершин чартов на наш общий грешный асфальт. А он всего лишь хотел быть самим собой! Человеком! Носить прическу, которая нравится, читать рэп, который заставляет задумываться, воспитывать сына так, как считает правильным. Не святой, конечно. Но совсем не злой. Говорил, добро нужно творить просто так, не ожидая ответных шагов, отдачи, вознаграждения. Совершать поступки и бросать их в воду.

Экспериментировал в творчестве. Слишком смело и преждевременно, как впоследствии определяли разные умные люди. Видно, так чувствовал. Он же не выстраивал систему, менеджмент, не исследовал фокус-группы. Творил, как велело сердце. Некоторые люди чувствуют дождь, когда другие просто промокают, – говаривал незабвенный Боб Марли. Сын пытался объединять жанры, из которых когда-то вышла хип-хоп культура – dancehall, даб, favela funk, раггамаффин. Даже не знаю, как мы все эти слова по-русски напишем!..

– Может быть, все это было не очень понятно консервативной российской аудитории, поэтому и новой волны по-

пулярности не случилось?

– Конечно, прежней массовости не было. Но он действительно не очень-то переживал по этому поводу. Наоборот, говорил, что атмосфера клубов, люди, которые могут подойти, пожать руку, обнять, ему гораздо ближе. Это как обмен энергией: он заводил их, а они его. Но расстраивался, когда на вечеринках просили старое доброе «Письмо» или «Пятницу»:

– Столько новых интересных вещей есть, а они хотят одно и то же!

Каждый раз я честно признавалась, что понятия не имею, как это работает. Говорила, наверное, очевидное: все же артисты поют узнаваемые и любимые хиты плюс новенькое. Наверное, так уж устроено человеческое восприятие. Сын полагал, что новые его работы глубже и интереснее. Так и было. Но мы, видно, ностальгирующая нация. Нам важнее бесконечно вспоминать прошлое, чем размышлять о будущем.

Он всегда выступал за образование и внутреннее развитие. Не боялся людей думающих, анализирующих, творческих. Он их культивировал. Объявлял конкурсы, девчонки-мальчишки танцевали, потом приезжали в Москву и принимали участие в записи его клипов. Оплатить проезд часто помогал, добивались ведь порой с самых далеких окраин, а билеты нынче дороги.

Хип-хоп – культура доступная, демократичная. Разви-

ваться и творить можно в любом направлении – брейкданс, граффити, рэп. Сын показал молодым людям очень важные, на мой взгляд, вещи: не нужно подгонять свою личность под стереотипы и показатели крутизны, как и загоняться по теме своей непохожести на остальных. Живи, делай как чувствуешь, и все обязательно получится. У него же вышло!

Поклонники называют Кирилла по-разному, но чаще – Воином Света. Он для них свет. Для кого-то лазерный вектор, для других пресловутый свет в конце темного тоннеля, для третьих – свет теплый, обнимающий, как вечное отражение добра.

В каменных джунглях игры без правил
Нечего взять, зато можно оставить
Что-то важное здесь новым людям на память.
Истинный смысл, скрытый от глаз,
На пороге событий рождается связь
История пишется здесь и сейчас
Каким будет мир, зависит от нас.
«Кто там у руля». Detsl aka Le Truk, 2018 г.

Джа Растафарай

ратов.

Мальчик-полукровка, отбивая такт босой ногой, поет про ослика, который не любит сено и все ждет, когда друг принесет ему чертополоха. Детская песенка с интернациональным и всем понятным припевом, состоящим из повторяющегося слова «иа», звенит под самым небом. Оно рядом, протяни руку и легко достанешь до звезд. Деревенька в окрестностях Сент-Энн, в которой родился Боб Марли, стоит на самом высоком из здешних холмов.

Звонкий мальчишеский тенор огибает жалкие домишки из беспорядочных кусков железа, шифера, другого уцелевшего в здешних штормах хлама и летит к океаническому горизонту. Ямайка противоречива: калибри как яркие игрушки, роскошная зелень сельвы и нищета. Поет тут каждый второй. Музыкальный народ.

Наверное, можно попытаться изменить судьбу, переселившись в Кингстон. Хотя в районе, где обычно обосновываются понаехавшие в столицу, перемены невелики. Тренчтаун – это трущобы. Те же покосившиеся домишки, заборы из подручного мусора, стирка в тазиках, босые дети. Гетто. Место трагедий. Долгие годы колониального рабства через Ямайку шли потоки черного золота – рабов-африканцев, а за ними – шлейф жизни вдалеке от Африки, смертей, горя и бесправия выживших. Некоторые оседали в закоулках Тренчтауна навсегда. Парадокс, но именно отсюда впоследствии выйдут и самые яркие таланты Ямайки. Для черного

парня из бедного квартала было всего две дороги: или вниз до самого дна, или карабкаться наверх, где тебя никто не ждет.

Роберт Неста Марли выбрал второе, хотя и не был вполне черным. Сын чернокожей девушки и английского военного рос изгоем. Годами мяч, самодельная гитара и тот самый ослик были его лучшими друзьями. Не черный, не белый. Чужой. До переезда в Кингстон убежденный, что людей, которые думали бы как он, просто не существует. Оказалось, такие есть и название им растаманы. Пазлы судьбы начали складываться в картину.

Раста – религия свободы. Уж чего-чего, а именно этого здесь всегда не хватало, потому вошло и прижилось. И религия человечности – раста обязан быть счастливым. Даже если ты невысокий парень, обитающий в Тренчтауне и пытающийся овладеть профессией сварщика. А что тут такого? В порту хороший сварщик всегда заработает на кусок хлеба. Впрочем, самодельная гитара в случае с Марли стала более мощным аргументом. Достоинство же – штука постоянная и не зависящая от рангов, размера зарплаты и места жительства.

Однажды неплохо копировавшего американский R&B парня заприметили. Те, кого впоследствии назовут продюсерами, предложили ему сменить имя на Адам. Так, мол, проще раскрутить черного исполнителя. Боб отказался. Предпочел остаться при имени, которое выбрала для него мать.

Марли спросили, что означают его дреды, и тот ответил:

– Это я, брат. Моя философия джа. Джа растафарай.

Одно из главных правил растафарианцев – не пытаться обратить людей в свою веру. Свобода выбора – это когда человек может прийти или не прийти к чему-то сам. Те, кто собирался на концерты Марли, приходили к нему, к его музыке и взглядам на жизнь. Его песни и его вера переплелись в одну общую философию. Боб полагал, что музыкой можно излечить самые страшные человеческие пороки – расизм, зло и ненависть. Те, кто пошел за ним, тоже верили в музыку бунта и его мощь. Пройдет совсем немного времени, и почитателей идей и таланта Марли наберутся тысячи. Прощай Тренчтаун, прощай бедность.

К началу 70-х его считают одним из самых влиятельных людей Ямайки, его выступления воспринимают как проповеди. Боб поет о том, что по-настоящему важно для многих и их сердца отзываются. От любой политики музыкант старался держаться как можно дальше. Чуждые западные ценности именовал Вавилоном. Был не за белых и не за черных, а с Богом. Так велела ему религия, так чувствовал он сам.

Рано или поздно, но это должно было случиться. В 1976 году Марли попытались переманить на свою сторону враждовавшие партии – лейбористы, поддерживаемые Штатами, и национальная народная партия. Но король регги отказал всем. А в декабре 76-го за два дня до важного концерта «Smile Jamaica» на Марли напали в его собственном доме

на Хоуп-Роуд. Стреляли, пока не кончились патроны. Жену Боба, Риту Марли, ранили в припаркованной машине, и она слышала, как один налетчик спросил второго, выходявшего из дома:

– Всех убил?

– Да, они мертвы.

Убийца ошибся. Пуля, обдав жаром ожога, по касательной прошла по груди Боба и вошла в плечо. Ранения получил также его менеджер. Моральное состояние всех было ужасным. До последнего никто не верил в то, что концерт, задуманный как акт примирения враждующих политических сил состоится.

Но, спустя пять часов ожидания от предполагаемого начала Марли все же вышел! Восемьдесят тысяч человек слились в единый вопль восторга. Как шутили впоследствии его друзья, ничто не заводило ямайцев того времени так, как человек, выживший в перестрелке.

Поразительно, но Боб не написал ни одной проходной вещи! А его «One love» по версии ВВС стала песней тысячелетия. Он не был хорошим семьянином, путался в женщинах, но его высказывания о любви, жизни и свободе переведены на десятки языков и до сих пор актуальны. Легко зарабатывал и так же просто раздавал деньги. Каким он был еще? Светлым. Все-таки светлым. Будто Бог однажды посмотрел на земное безобразие и послал людям поющего про ослика босого мальчика-полукровку.

Легендарный дом на Хоуп-Роуд в Кингстоне по сей день принимает экскурсии. Чернокожая девушка козой скачет вверх по крутой деревянной лестнице через три ступеньки – Боб играл в футбол, обожал футбол, тренировкам ног уделял особое внимание.

– Он точно так же перепрыгивал через три ступени! – Задорно сообщает она, и экскурсанты покорно скачут наверх. Чтобы хоть чуть-чуть прикоснуться к легенде. Многие улыбаются.

Здесь вообще сложно не улыбнуться хотя бы раз. Повсюду дух свободы и граффити: смеющиеся глаза Марли в гриве тотемных дредов-антенн. Его волосы выпали из-за сеансов химиотерапии. Согласно официальной версии, легенду Ямайки убила «болезнь белых» – меланом. Бобу Марли было 36 лет.

Конспирологические версии его ухода из жизни циркулируют по сей день. Наверное, так всегда бывает, если смерть настигает кумира в расцвете лет. Эксгумация в 2014-м только подлила масла в огонь: заключили, что солнце, обычная причина меланом, к случаю с Марли отношения не имеет. Впрочем, и до того, как потревожить прах музыканта, ученые знали – настолько негативно ультрафиолет действует разве что на белых. Загадка.

А тут еще посыпались откровения якобы отравителей, одно мерзостнее другого... Безусловно у Боба Марли были враги. С его острой социальной тематикой, пропагандой сво-

боды и равенства он многим был неудобен. Выбери крохотная, но упрямая Ямайка Марли президентом, и США получили бы в своем «подбрюшье» еще один коммунистический остров. Вероятно, поэтому большая часть раскаяний и признаний содержит аббревиатуру ЦРУ. Один якобы агент на смертном одре рассказал о подаренных Бобу отравленных радиоактивной проволокой ковбойских сапогах. Мол, раком можно заразить искусственно, еще нацисты практиковали.

Последним на данный момент, облегчил душу еще один «црушник» (к слову, ни разу ЦРУ не подтвердило подлинность этих агентов) некий Билл Оксли. Предчувствуя скорый конец, восьмидесятилетний старик признался, что заражение меланомой – его рук дело. Прикинувшись по заданию «конторы» журналистом, он подарил Бобу отравленные кеды. Музыкант не только примерил их, но впоследствии даже консультировался с отравителем по поводу лечения большого пальца на ноге. А тот был весь из себя такой идейный, что даже советы давал с единственной целью – сжить со света.

Какая-то правда в теориях заговора наверняка есть – Боб был доверчивым человеком, он даже автомобиль не запирает. Наверное, подобной открытостью несложно воспользоваться. С другой стороны, там, где нет ответа на очевидный вопрос: «Ну как так-то, мужик?» – всегда рождаются самые невероятные фейки.

6-го февраля миллионы самых разных людей по всему миру вспоминают, как в этот день в 1945 году в бедной дере-

вушке на Ямайке родился мудрый растафари, талантливый музыкант, король регги и человек, который нес в мир добро и свободу.

Спустя ровно 74 года, 6 февраля 2019-го в Москве, Россия, прощались с его последователем, чьи принципы – делать людей добрее и счастливее, а далекие культуры ближе также стали основой самой жизни. Дреды, тотем, грива льва остались с ним. А совпадение дат почему-то кажется счастливым.

Впрочем, конспирологические теории могут появиться и в московской истории. Позднее творчество Децла ака Ли Трюк про те же свободу, социальное неравенство, смысл нашей жизни. Не продался, когда, казалось бы, устоять невозможно. Тоже светлый. Сумел остаться ни с теми и ни с другими, а с собой и Богом. Это не всем нравилось. И медицинская загадка имеется: самое последнее из всех возможных исследований показало, что организм Кирилла Толмацкого был изношен не по возрасту, будто на момент ухода ему было не тридцать пять лет, а все шестьдесят. Да и ответа на вопрос: «Ну как так-то, мужик!?» – тоже нет.

Казань.

Молодая джа древнего пророка рвется наружу,
К истокам знаний не признавая поражений.

Он лучше умрет стоя, чем всю жизнь

Будет ползать на коленях. Его сила в его стремлении,
Всегда сутулясь от тяжести судьбы.

Он, что бы ни случилось, не свернет с этой дороги.

Готов разрушить Вавилон, он на его пороге.
«Личность» Detsl aka Le Truk 2004 г.

Джузеппе Жёстко & Вавилон

Москва.

25 ноября 2019 года. В Кингстоне, Ямайка, плюс тридцать

по Цельсию. В похорошевшей Москве в этот день давали мороз в минус десять и совсем не дали снега. Такой мерзкий холод бывает только в мегаполисах, когда стужей дышит все – тротуары, стены домов, даже дорожная пыль. Морозильная камера.

Из актуальных новостей: под столичный мятный раф об-суждают наемников, отрубивших сирийскому гражданину голову, руки («ноги надо оставить, за них повесим» – на языке Пушкина и Достоевского), украинские корабельные уни-тазы, утерянные в процессе выяснения международных от-ношений, и суды на теми, кто выходил на эмоциональные в своем несогласии московские улицы минувшим летом ака безобразничал. Вавилон в своем репертуаре. Да! 5 ноября 2019 года кинотеатр «Баку», тот самый на Амбулаторном пруду, снесли в рамках реконструкции кинотеатров. Моск-вичи оплакали его как родного и заранее ненавидят все, что построят на том месте.

Наверное, Кирилла можно назвать пацифистом. Во вся-ком случае войны, конфликты, драки точно не были его те-мой. Историю про то, как однажды ходил за хлебушком, он рассказал для рекламы салона, где дреды плетут. Ну чтоб те, кто решился на подобную прическу, были готовы к самым разным ситуациям.

В общем, вышел Децл вечером из супермаркета, а у вхо-да группа скинхедов – человек тридцать их было. У бри-тых просто эйфория случилась: молодой субтильный в очках

дродах и с пакетом продуктов – иными словами, идеальный объект! И вот из общей массы скинов как мячик выпрыгивает самый маленький: «Давайте, пацаны, его уьем!» Толмацкий попросил позвать старшего. Тот подошел. Узнал много нового: оказалось, скины зародились на той же Ямайке, что и растаманы, а лысые, потому что драться удобнее. Закончилась беседа тепло – обещанием вписаться за Децла в любой замес. Так уж их главный впечатлился экскурсом в историю. Почему, ну почему же ты, Кирилл, не стал дипломатом?..

К убийствам людей, без разницы плохих ли, хороших, он относился отрицательно, мотивировал философски – про энергетический смысл говорил. Верил в то, что вся кармическая обработка лишеного жизни переходит к тому, кто убил. Иными словами, помимо своей кармы, еще и чужую отрабатывать! И не факт, что самую позитивную. Децл ака Ли Трюк не осуждал тех, кто идет в армию, воевать, убивать, – он их не понимал. Не мог взять в толк, зачем опускать самого себя на энергетическом уровне так низко и настолько безответственно относиться к братьям своим? А все люди – братья, Кирилл чувствовал это именно так.

Можно верить в кармические теории или посмеиваться над ними, как над корабельными унитазами со старых плавсредств соседнего государства, но одна мысль не отпускает... Если бы люди согласились жить по такому простому принципу, насколько светлее и добрее стал бы мир.

Ума не приложу, как повзрослеть, наполучать от жизни

затрещин, и все же не похоронить в себе наивного идеалиста и мечтателя? Ему удалась – факт.

У Иры, конечно, несколько объяснений есть:

– От политики Кирюша всегда старался держаться на почтенном расстоянии. «Пунктик» этот еще в юности заработал. Однажды они с Дельфином поехали в тур, не зная подоплеки. Оказалось, все происходило в рамках агитации перед выборами за некую персону вроде губернатора. Обкатанная форма программы «Голосуй или проиграешь», которую создали для поддержки Бориса Ельцина, еще долго функционировала, привлекая молодежь с помощью медийных персон, артистов к определенным кандидатам. У Саши с теми, кто делал тот политический промоушн, были какие-то договоренности и, конечно, сообщить о них сыну он нужным не посчитал, равно как и поинтересоваться его мнением – хочет ли он конкретного политика поддерживать. Так вот после этого как бабка отшептала: Кирилл в политических ту-совках не участвовал. Предложения посветить лицом с кем-то на частном джете отметал сходу. Да, то, чем грешат многие медийные персоны, немедийному Ли Трюку тоже предлагалось.

Говорил, попахивает консумацией. Ну, когда собираются скучные важные дядьки решать вопросы и приглашают хорошеньких девочек, чтобы немножко разбавить свою нудную вечеринку. Это не проституция, упаси Бог, а декорация: ходят светские львицы «просеко» потягивают, улыбаются. Не

бесплатно по итогу, разумеется. Но для леди, наверное, консумация не так унижительно, как для парня. Наверное. Политика же – вообще дело скользкое. Сегодня выпьешь с кем-то публично, а завтра скажут, Родину продал. Надо быть избирательным и осторожным, время очень недоброе.

Знаешь, когда начался весь этот кошмар с Украиной, я даже порадовалась, что папы уже нет. Не знаю, как и перенес бы. Все свое детство ездила туда и не понимаю, как все могло пойти так далеко? Сто раз слышала: «Там, где прошел хохол, кацапу делать нечего», – и мне эта поговорка не казалась обидной. Больше скажу, я была кацапкой и мама моя – кацапкой. Папа – безусловно прекрасный правильный хохол. Это к тому, что всегда там было так!

Мы, дети, играли на улице все вместе. Когда ссорились, дразнились, конечно. «Шел кацап – зубами цап!» – Кричали мне. «Шел хохол – насрал на стол!» – Орала в ответ я, улепетывая по пыльной сельской дорожке. Но при этом все было хорошо: ругались, мирились и шли играть дальше.

Я обожаю украинскую деревню! И, конечно, своего абсолютно городского ребенка однажды повезла туда, где хорошо. Кирилл впервые живую корову увидел в Украине – «подивитися яка зверуга» в местной интерпретации. Очень она его поразила, кстати! Фруктами объедался, перезнакомился с родней – там же по папиной линии полдеревни родственников. Потом взрослым на гастроли ездил, Киев любил, всегда говорил, что люди там хорошие. А город ведь действительно

очень хлебосольный – как вспомнишь эти бесконечные украинские застолья! Приготовить умеют и покушать как следует любят.

Папа сало никогда не покупал, и в Москве солил сам. Выбирал на рынке кусочки с мясными прожилками, подчеревок называется, и в рассол с чесноком. Вкуснятина! Кирюша очень любил его из морозилки, тонко порезанное. Когда папы не стало, подчеревок начала солить я. Однажды угостила внука. А тот не понимает, что это? Реально никогда сала не пробовал!

– Ира, а что это за вкусная штука такая? – Спрашивает.

А мама же у нас не от мира сего: еда должна строиться на теориях, калории – трепетно пересчитываться. Столица. Модель. Вся такая странная. В общем, подумала я, как бы покультурнее сало обозвать, и говорю:

– Бекон!

Через месяц звонит Кирилл. Спрашивает:

– Мы в супермаркете, Тони просит бекон как у тебя. Всю витрину уже перебрали, но не такой! Ты чем его кормила?

– Подчеревком, салом по дедушкиному рецепту...

Такая у меня есть история про сало и внешнюю политику.

– *Минуточку, а как же вегетарианство, специальная система питания? Мне казалось, у них вся семья придержививалась чего-то эдакого. Тони в гостях у соседки, как та рассказывала в интервью, засомневался, допустимо ли добавить в гречневую кашу сметаны. Кирилл в последнее время*

часто рассуждал об особенном отношении к природе, ресурсам Земли.

– Вегетарианство – Юлина тема, со мной сын даже вопросов этих не поднимал. Я, к примеру, мяса безо всяких идей или систем не ем. Просто не люблю. Мне бы картошечки с селедкой, капустки квашенной, овощи-фрукты – тоже прекрасно. Мужу, думаю, без мяса все-таки нельзя. Особенно тем, кто как Кирилл, много работает. Ну и, если уж совсем честно, оставаясь вдвоем, сын с внуком мяско-то ели. Есть у меня такое подозрение. Во всяком случае употреблению «бекона» я живой свидетель, да и курицу мою фирменную оба уплетали с удовольствием. Я ее обычно готовлю, но Кириша считал, что это какой-то особенный рецепт. Хотя он часто хвалил мою стряпню. Может быть, из уважения – мама старалась готовила, надо есть и говорить приятное.

Ира нервно затягивается. Разговор у нас по ритму рваный, драматический. Даже смешные истории переходят в слезы и обратно. На самом деле трепетного отношения к миру, в котором нам всем посчастливилось жить, в Кирилле хватало. Вырастил два авокадо в горшках, взял сына, отнесли в парк Зарядье. Максимально честная лепта в озеленение. Он вообще легко подключался к любым экологическим проектам. В рамках акции «277 тысяч деревьев городу Челябинску» посадил рябину возле второго корпуса местного института культуры и раздал саженцы всем желающим поучаствовать в создании аллеи. В городе, где дети играют в черные снеж-

ки, а на тротуарах налет сажи, дерево – не только эстетика. Впрочем, она тоже есть.

Потом купил с гонорара пару рододендронов – посадил у подъезда своего дома на улице Казакова. Фасад здания 1900 года постройки, время от времени замазываемый, вероломно продолжает демонстрировать возраст. Плешивый дом на самом деле, пожилой такой. Короче, украсить – мысль прекрасная. Эстетика опять же. И главное, снова к вопросу не эгоистически подошел – не запер дома в кашпо, посадил для всех! Сперли на следующий же день.

В последнее время Кирилл часто заговаривал о разочарованности в людях. То, как мыслят окружающие, даже поклонники, что и как пишут в комментариях, сводило его с ума. Он не понимал, как во время, когда брютлики считают прекрасным, а добрые поступки хреню, доносить правильные вещи. Как вклиниться между успешными и востребованными рифмами «деньги – тачки, попки – кокс» с глубокой темой? Где тот разлом людского сознания, в который можно попробовать кинуть семена с надеждой, что однажды они смогут прорасти? Пусть не рододендроном! Пусть рябиной!

Внутренний раздрай, как вспоминают друзья, был у него затыжным и тяжелым. Кирилл пробивал стену в одной камере, но вместо солнечной улицы оказывался во второй, а потом – в третьей... Наверное, массовый потребитель, и, возможно, российский как никакой другой, пока не склонен ис-

кать в музыке духовный смысл. И, конечно, до его последней пластинки аудитория дорастет, надо только дать ей время. Самому Кириллу именно времени, увы, не хватило.

Творчество Децла ака Ли Трюк еще долго будут мусолить, разбирать, писать рецензии, снимут фильмы. Наверняка захотят понять, откуда в молодом исполнителе появлялись вещи, присущие седовласым гуру, разочарованным странникам или пожилым хиппи. И, конечно, найдутся те, кто поймет все. Но в реальном времени ничего подобного не было.

Дома, там, где по классике жанра положен тыл и покой, с пониманием тоже не складывается. Вроде женщина рядом и поддерживает твои ценности, на публичных площадках в соцсетях выступает за доброе-вечное, друг, соратник и все такое. А потом та же самая женщина ждет от тебя, к примеру, Chopard на Новый год и скандалит, не узрев его под елкой. Она высокодуховная, конечно, не то, что твои дебилы-друзья, просто с большим запросом. А что тут такого?

Не могу судить, как живет людям с параллельными полярными принципами и взглядами на мир. Особенно, когда эти противоположности существуют в голове одновременно. Левое полушарие открыто презирает тех, кто умеет зарабатывать, а правое хочет денег? Удастся ли им хотя бы изредка договариваться между собой?

Кирилл делал все, чтобы определенная информация о Юле, не вышла в медийное пространство. Он же рыцарь. Друзья его по сей день молчат, потому что оставить тайну

– его желание, его решение. Не произнесу этих слов и я. В конце концов эту женщину любил и, похоже, вполне осознавал, в какой из вечных сюжетов Федора Михайловича Достоевского угодил. Непонятно только, как же он решился взвалить на себя такую ношу?

Красота, конечно, должна спасти мир, но это еще пол проблемы. Красота может не захотеть спасаться сама – и вот это станет уже проблемой! Впрочем, история давняя, а юность самонадеянна, и про прозрения, которые порой слишком дорого обходятся, пока не знает.

Что чувствуешь, когда последняя соломинка, за которую ты держишься, оказывается иллюзией, обманкой, пустышкой? Страшно ведь даже не то, что человека которого ты любил, больше нет. Страшно, если его никогда и не было. Осознание такого разбомбит кого угодно. Цельные же не могут стать дробными, в них не предусмотрено такой программы. Они начинают гибнуть.

Наверное, могли бы помочь друзья. Но в 2016-м Кнара до Кирилла не дозвонилась, оказалось, что доступа к его соцсетям у нее тоже больше нет. Она ждала второго ребенка, и, занятая приятными хлопотами, упорствовать не стала. Позже выяснилось, что в тотальный блок-лист попало еще несколько и без того уже немногочисленных общих друзей. Одни пытались выяснять, другие списали на женские козни, но, по сути, у всех хватало собственных текущих проблем. Мало ли кто кого и по каким причинам сегодня блочит. А обезду-

шенный «черный список» современного телефона еще и лишает владельца одного любых уведомлений о том, что кто-то пытался ему дозвониться.

Так неужели он, Децл ака Ли Трюк, уставший и потухший человек без пути, остался в Вавилоне совсем один? Нет. Конечно же, нет – мама и сын по-прежнему были рядом.

Ира рассказывает:

– Мне не нравилось, как он выглядел в последнее время – то ли растерянный, то ли измученный. Однажды обратила внимание, что с ногой у него что-то не то и руку растирает, будто болит:

– Сын, что с тобой? Надо бы к доктору.

– Ерунда, в самолете неудобно заснул.

И все отговорки – не выспался, тротуар скользкий – неловко шагнул, ветер сильный – продуло.

Но самое неприятное: эта усталость копилась в нем годами. Помню, внуку лет восемь было, когда Кирилл прилетел откуда-то с гастролей под утро и, не отдохнув, повез сына в школу. В машине прямо возле учебного заведения и уснул. Разбудил Тони, когда закончились уроки, и они поехали обратно домой. Это отказывалось укладываться в моей голове! Сам Кирилл такими историями не делился, знал, что буду злиться. А кто не вышел бы из себя? Внук рассказал. Похоже, только он и замечал, насколько Кирилл вымотан.

Влезать в личную жизнь и семью взрослого сына – дело неблагодарное и тогда казалось недопустимым. Сейчас,

оглядываясь назад, сама себя не понимаю: почему не поехала на Казакова, не кричала там, не топала ногами, не требовала? По какой великой уважительной причине нельзя проводить ребенка в школу без участия единственного добытчика в семье, который к тому же только приехал с работы? Почему я не настояла на визите к врачу, не умоляла?.. Нет ответа.

Каждая мать хочет, чтобы о ее ребенке заботились, волновались, искренне любили. Да, старомодно, наверное, но в богатстве и бедности, болезни и здравии... Равнодушный человек рядом с родным дитем – это очень больно.

Сейчас спрашиваю себя, кто же любил Кирюшу? Не в смысле творчества, образца для подражания, а по-человечески – с носками, которые нужно стирать, строчками, которые записывались как на грех, когда на кухне протек кран, разочарованиями и сомнениями взрослого человека?

Тони – точно да. И я – да. Но не спасла. Шла четвертая, самая беспросветная из юг – Кали-юга.

Мир на волоске, головы в песке

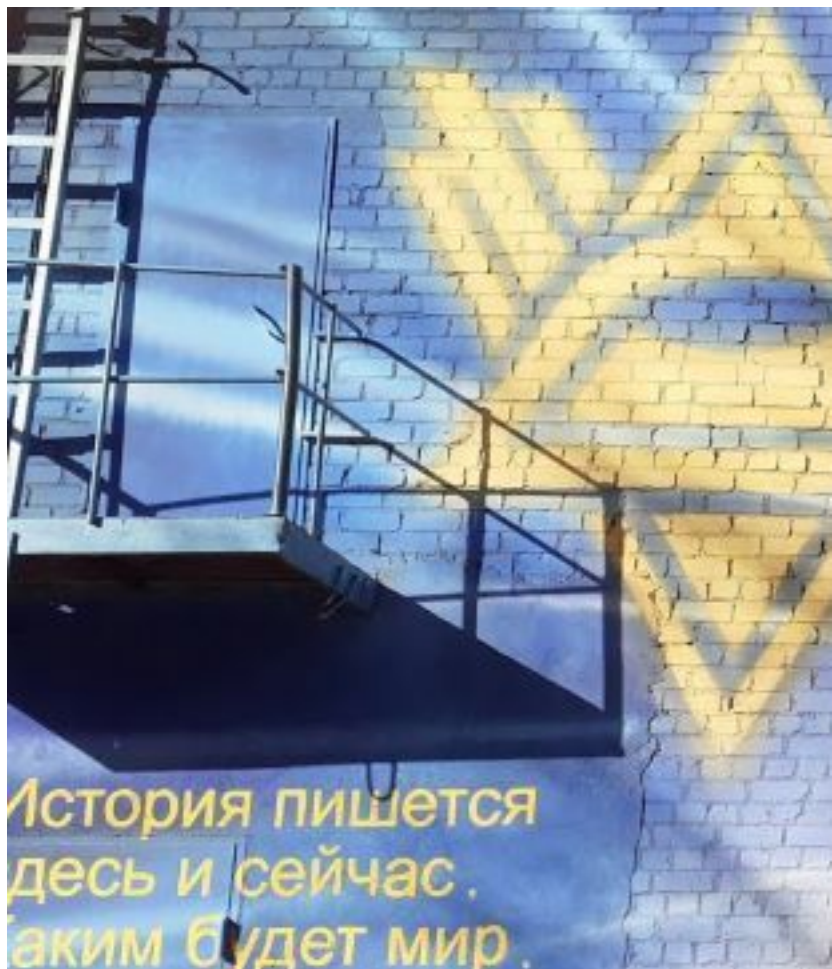
Демоны ликуют, ангелы в тоске

Время Кали-юги, каждый на крючке

Нужно быть прозрачным, мрачно двигаясь в толпе.

«Сине-красные огни». Detsl aka Le Truk, 2018.

Темное время

История пишется
здесь и сейчас.
Таким будет мир.

бург.

«Эпоха раздора», «век демона Кали» – так определено наше время в древних индийских манускриптах. Всего юг четыре и с приходом каждой доброты на Земле остановится пропорционально меньше. Как покинул Кришна 23 января 3102 года до н. э. Землю – и привет. Нам досталась четвертина всей предназначенной планете доброты. Юга последняя самая сложная и беспросветная – Темный век, предсказанный мудрецами. Время окончательного падения нравственных ценностей. Душевные качества отходят на последний план, жизнь духовная игнорируется, людьми правят низменные интересы и за это высшие силы гнобят нас страшными болезнями и природными катаклизмами.

«Взрослое не по годам поколение куплю-продам» сконцентрировано на деньгах как таковых. Бедные думают о купюрах, потому что их всегда не хватает. Загнанные нуждой в угол просто не могут сосредоточиться ни на чем другом! Богатым не легче: деньги должны работать и преумножаться, сами на хроническом стреме – на королевство могут положить глаз конкуренты или прыткие коллеги. В постоянной гонке зачастую стирается сама конечная цель – «мне нужно много денег, для того чтобы». Остается просто «мне нужно много денег». Миллион – цифра красивая, миллиард – еще лучше и ноликов больше. Бумажки, активы, сметы. При этом, как и тысячи лет назад, у гробов совершенно не предусмотрено карманов.

«У нас считают, у кого бабки – тот и прав», – говорит Кирилл в радиоинтервью. Он вовсе не против материальных радостей как таковых! Но одно дело, если хороший гонорар получил ученый, совершивший научное открытие, художник, написавший гениальное полотно, и совсем другое – бешеное бабло шоу-бизнеса. Станет ли Темный век чуть светлее, если в дензнаках измерять талант?

Разделение на бедных и богатых было всегда, скажите вы, и при чем же тут демоны? Если бы и те и другие думали о душе время от времени, ценили прежде всего собственную духовность, все было бы по-другому. Богатые думали, как можно помочь бедным, а те, кому не повезло со счетом в банке, достойно принимали бы свой жребий. Так полагали индийские философы.

Впрочем, все религии мира так или иначе проповедуют гармонию между духом и телом. В чем-то эти теории даже облегчают грехи наши тяжкие: не мы такие безнадежные, просто Кали-юга и ничего тут не попишешь. Зло огромное и беспощадное поглощает человечество, потому и деградируем. Вроде бы создаем новые технологии, лекарства от страшных болезней, но доводим экологию, землю, межчеловеческие отношения до такого дна, что новые болезни и стихийные бедствия не заставляют себя долго ждать. То ли дело юга первая – Сатья, золотой век! Но досталась она не нам.

Про Веды и Юги, конечно, пришлось почитать. Иначе сложно понять, чего Кирилл вообще к ним прицепился? О

каких отношениях между людьми мечтал? И почему не вышло?

«Я рассуждаю как человек из прошлого. Проснись, говорят мне! Ты живешь в ином мире, где все эти ценности переродились в совершенно противоположные», – цитата Кирилла из того же радиоинтервью.

Его мать убеждена, что он любил людей (хотя, за что нас любить?), к себе ждал такого же отношения. Верил в принцип: как ты к миру, так и мир к тебе.

– Сын был открытым абсолютно. Мечтал, чтобы стала возможной самая простая ситуация: человек звонит в дверь или в домофон в городе Москва и просит стакан воды. И ему открывают. Не посылают трехэтажной ненормативной конструкцией, а открывают и дают. Стакан воды ведь ничего не стоит, а человеку по другую сторону двери он может быть необходим. Это не требует каких-то особенных усилий!

– Такая жизнь, что можно открыть дверь и получить по башке, не успев даже дойти за тем стаканом!

– Ты же помнишь время, когда не было навигаторов и вот по десять раз на дню объясняешь, как пройти туда-то и туда-то? Да, тратишь свое драгоценное время и рассказываешь, руками машешь, случается. Потому что время – не деньги, оно просто время. Или соседи, которые заходили за солью взаймы или половинкой черного? Было же! И я заходила, и ты!

– Сложно сравнивать 80-е и сегодня. Не знаю, почему. У

советских школьников ключ от квартиры на веревочке на шее висел, чтоб не потерять. Сейчас повесь так ключик – Бог с ней, с квартирой, ребенка бы не сперли!

– Значит, все-таки время.

Приятно, конечно, все на Кали-югу валить, но мысль про тот самый стакан воды взрывает мозг. Когда же все поменялось так, что он превратился в проблему? Честно говоря сомневаюсь, что в современной Москве кому-то вообще может прийти в голову звонить в домофон с просьбой о воде. Хочешь пить – зайдешь в супермаркет, они на каждом углу, и купишь. То есть Кирилл все-таки идеалист, мечты его наивны и утопичны. Хотел, как не бывает. Но глупо же записывать человека в блаженные из-за гребанного стакана воды!?

22 декабря 2019 года в Москве бесснежная зима. Морозы ушли и можно б жить, если б нам чуть чаще показывали солнце. Но не показывают. Пасмурно. Старушки, переместившиеся с приподъездных лавочек в социальные сети, подозревают климатическое оружие использованное против нас какими-нибудь проклятыми капиталистами. Иногда с ними даже тянет согласиться – мало света, очень мало света на наших улицах и лицах.

В духовном упадке живется не сладко,
Нищета в голове, как консервная банка.
Там где на полустанках, стоят куртизанки,
Рясы напялили, бывшие панки.
Там где водку бухают, заедая буханкой,

Белые не растут, в основном лишь поганки.
«Мысли глубоко». Detsl aka Le Truk, 2018.

Конец? Начало

– В Диснейленд Кирюша мечтал попасть, кажется, с тех самых пор, как узнал о его существовании. И вот свершилось. Мы купили билеты на самолет, забронировали гостиницу, в Париже нас ждали друзья. Сыну тогда лет десять было, и в предвкушении волшебства Диснейленда он весь извелся и меня извел. Во Франции тогда случились какие-то беспорядки, но мы об этом не подумали. Там же постоянно что-то происходит – профсоюзы бастуют, демонстрации перетекают в дебоши, битье витрин и переворачивание машин. И почему Кирилл был вписан в паспорт отца? В общем, Александра Яковлевича с его историями прошлого с территории аэропорта Шарль-де-Голль в беспокойный город решили не впускать.

Меня пропустили, а Сашу и Кириллом отправили в зал, где торчали такие же страдальцы, которые во всяком случае в этот раз так и не смогли увидеть Париж. Сын поначалу был, конечно, в шоке. Потом, когда через пару дней наконец мы все смогли воссоединиться для бесславного возвращения на родину, даже развеселился.

– Сынок, ты испугался? – Спрашиваю.

– Совсем нет. Знаешь, что самое прикольное? В том помещении белыми были только мы с папой! Остальные – цветные! Класс!

Забавно, едешь в прекрасную Европу за сказкой и волшебством, а тебя не пускают дальше порога.

Спустя много лет, Кирилл все же побывал в Диснейленде – повез туда Тони, а мне показалось, прежде всего себя самого. Тогда же шокированный совсем не романтическим приемом Толмацкий-старший сразу по возвращении в Москву купил для семьи тур в Турцию.

Мы, бывало, спорили с сыном на все эти темы. Не называю себя оголтелым патриотом – Родина, родимые березы и все такое – но верю в теорию про то, что сгодился там, где родился.

От него в последние годы все чаще звучало: «Пора сваливать». Возможно, в Кирюше говорила простая человеческая усталость. Работал много и без халтуры. Или казалось, что его музыка будет понятнее за рубежами нашей страны. Или допекла тоска по свободе, которую в 90-е все мы пили как воду. А вкус ее так сложно забыть! Да и воздуха здесь все меньше, все тяжелее дышать, многочисленные рамки не дают расправиться легким. Возможно, мой сын для своего хотел другой жизни.

При том, что Москва – однозначно его город, родное место, Кирюша обожал Барселону, Киев, Санкт-Петербург, очень тепло относился к Ямайке и Японии. Много ездил. Иногда вообще казалось, что ему сложно усидеть на месте. Гражданин мира по духу.

Новый 2019-й год он с Тони приехал отмечать ко мне.

Просто позвонил: «Мы сейчас приедем». Окей. Я всегда старалась не задавать лишних вопросов. И вот вышли втроем с собакой в Петровский парк. Почему-то даже тепло как-то было, мороз слабенький, ветра нет. Идем, гуляем, снежинки редкие-редкие падают, будто нарисованные. И я спросила:

– Ты говоришь, уеду, а где бы ты хотел жить?

– Наверное, в Швейцарии.

– Где-где!?! – несмотря на общее минорное настроение, расхохоталась я.

– Тони мог бы там учиться. Мне хотелось бы, чтобы он получил образование за рубежом. Почему бы и не там?

– Неужели мои уши это слышат, сын? А помнишь, как не шел в столовую обедать, пока я не позвоню? Говорил, как не хочешь учиться в той Швейцарии?

– Дурак был, мам.

Посмеялись, хотя безусловно отправить ребенка далеко от семьи и переехать всем вместе – вещи разные. Надежда на то, что хотя бы из внука еще может получиться отличный дипломат, неуверенно затеплилась снова. Не успели.

Да, в тот внезапный их приезд произошла еще одна странная штука. Кирилл привез документы, касающиеся, скажем так, собственности и недвижимости. Тут уж я не удержалась и спросила, почему? Он не ответил, сказал только: «Пусть у тебя полежат». Пусть. А вопрос «почему?» так и повис в воздухе и до сих пор мучает.

Ира тогда не знала, что ему закрыли выезд из страны. За-

чем говорить маме о том, что ее точно расстроит? Не знала, как звонил другу Мише Огеру в январе 2019-го – спрашивал насчет израильского гражданства. Тот предложил очевидное – подключить к вопросу Александра Толмацкого, все-таки прямые еврейские корни да и вообще. Кирилл вспылал и разговор закончил.

...И все-таки он страну покинул. Этот выезд не сдержат никакими структурами, таможнями и законами. На прекрасных островах, о которых никто не знает, не нужны загранпаспорт и актуальная виза. А переход в стратосферу не охраняется крепкими ребятами в погонах. У того мира больше нет границ. Может быть, слоган: «Конец? Начало» – который сопровождает все последние клипы Кирилла Толмацкого, иезуитски сбивая с толку поклонников, об этом? Неужели знал?

Москва. 22 июля 2023-го года Кириллу исполнилось бы 40 лет.

Мы – удивительная страна. Уникальная. Только здесь можно умереть и тут же родиться заново. Вроде бы и нет человека, но остались его «Подсказки на битках», «Пробки, стройки, грязь», невероятная по степени лирики и философии как последнее прощай «Фибоначчи», многозначительная «Инферно»-реинкарнация. Семафорят сине-красными огнями приложения для мобильных, подмаргивают ими безразмерные сетевые хранилища того, что навсегда останется частью нашего Околоноля и начала непростого XXI века.

Мало кто знает, но Кирилл не сильно жаловал технический прогресс в творчестве. Все свои тексты, стихи или мысли, записывал от руки и на бумаге, говорил, так душевнее. Блокнотики, тетрадочки, ежедневники – сколько же вас бы-

ло за все эти годы? Оказавшись в его квартире на востоке Москвы прошлым летом, Ира надеялась собрать их все. Но встретил ее только профессиональный офисный «шредер» с горой искромсанной бумаги у прожорливой пасти. К сожалению, машина не может рассказать, что именно с его помощью уничтожали и почему. А сложить беспорядочную бумажную лапшу, чтобы понять смысл утерянного, совсем не представляется возможным. Тот, кто создавал эту оргтехнику, хорошо знал свое дело.

Впрочем, как правильно однажды заметил сам Кирилл, информация, однажды выйдя в атмосферу, с планеты Земля уже не пропадает. Перекидываемая с антенны на антенну, через сложную оптику, волнами, с телефона на телефон публичными и репостами, на страницы, к которым нельзя прикоснуться как к бумаге, информация неуязвима. Она повсюду и... это ли не настоящая свобода?

Люди слушают хип-хоп, русский, хлесткий, социально-острый. Появились новые исполнители, которые так же, как Кирилл считают, что настоящий художник должен быть актуальным и не делать вид, будто вокруг решительного ничего не происходит. Кто как не мы имеем право высказать свой протест? Одни под такой хип-хоп поменяются навсегда, задумавшись о смысле собственной жизни, другие, наверное, просто отдохнут под хорошую музыку, а третьи, возможно, забудут ее уже завтра. Мы разные. Но я точно знаю, что среди всех этих уникальных и непохожих друг на

друга людей, обязательно найдутся те, кому рэп Децла ака Ли Трюк поможет выжить.

«Если тебя не хейтят, значит ты умер», – написал Децл ака Ли Трюк 22 января 2019 года в своем Твиттере. А если хейтят?..

На его ютюбканале ничего не добавляется с февраля 2019-го, а число подписчиков увеличивается. Показатели цифровой жизни, совсем недавно скромные, растут в математических прогрессиях, крутятся шестеренки рейтингов и монетизаций. Хейтеры тоже тут, куда без них? Все на месте: тролли, боты, новое подросшее поколение фанов. Сплошная алхимия. Невероятные мысли и сложные ощущения. Будто вот-вот зазвонит телефон и мужской голос в трубке с характерным произношением буквы «р» скажет: «Только не говори маме».

P.S. С момента первой публикации утекло слишком много воды. Ирина мама, бабушка Кирилла, уже не с нами. До последнего своего дня она не знала о том, что любимого внука больше нет. Строчки про международные отношения и Украину теперь кажутся наивными и легковесными, тогда мы и представить не могли всего, что стало реальностью сейчас. Тони прочитал свой первый рэп, хочет заниматься журналистикой. Когда в Ирином доме звучат композиции Децла ака Ли Трюк, мопс Марта трогательно ищет Кирилла и сложно сдерживать слезы.

К.Толмацкий:

Не ждите, что станет легче, проще. Трудности будут всегда, учитесь быть счастливыми здесь и сейчас

Жить и думать о жизни – разные вещи

Я и есть протест, внутренний протест.

Было тяжело, потому что я ломал стереотипы

Если нет пути, если не хватает сил идти. Знай, ты не один, за мною иди, за мною иди.

Как мы будем вылетать в космос, изучать Вселенную, если тут, на Земле, мы не можем найти общий язык?

Надо совершать хорошие поступки и бросать их в воду. Не надо ничего ждать взамен

Многие говорят – вот потом, вот тогда... Нет никакого потом и тогда, есть здесь и сейчас.

Хотите яйцами мериться, меряйтесь, но не с помощью чьих-то судеб.

Волшебство существует для тех, кто в него верит

Музыка лечит, если правильно делать

Это не то, что ты думал, не то, что ты ожидал. /Мой путь сильно запутан, я еще не все сказал

Мы живем на круглой планете. Информация никуда не уходит, она здесь обитает

Ангелы на моей стороне. Я несу свет во мраке, и душа моя бессмертна

У меня всегда праздник в душе, поэтому я не нуждаюсь в массовых мероприятиях для того, чтобы ощущать этот праздник

Бро, твори добро

Мир всем!

Жизнь не заканчивается после смерти, такая ситуация.